

Валерий Щежин

СОВЕТСКО- ГВИНЕЙСКАЯ ЛЮБОВЬ

Рассказы

Валерий Щежин
Советско-гвинейская любовь

«У Никитских ворот»

2020

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

Щежин В. А.

Советско-гвинейская любовь / В. А. Щежин — «У Никитских
ворот», 2020

ISBN 978-5-00170-143-9

Жизнь человеческая многогранна, и у каждого она достойна толстого романа. В представленных рассказах отражены лишь эпизоды из жизни людей, как обыкновенных, так и незаурядных, порой комические, порой трагические. Подчас просто фантастические. Но как бы то ни было, подавляющее большинство историй взято из реальной жизни. Может быть, и вы, читатель, попадали в подобные ситуации и узнаете себя. Правда, африканские сюжеты, пожалуй, уникальны. Во многих из них автор выступает непосредственным участником или свидетелем происходящего. Есть истории, рассказанные ему друзьями. Стихи, завершающие книгу, конечно, не претендуют на классику. Это романтически-юмористические строки, написанные по случаю. Во всех рассказах присутствует чувство оптимизма, они проникнуты добротой и юмором. Читатель найдет в них много интересного и полезного для жизни.

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-00170-143-9

© Щежин В. А., 2020
© У Никитских ворот, 2020

Содержание

Предисловие. Иррациональное в документальном	6
Советско-гвинейская любовь	9
Часть первая	9
Часть вторая	20
Николя Зуманиги	26
Сия	33
Храмы Зерекоре	39
Кристофер	42
Алмазные копии	46
Часть первая	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Валерий Щежин

Советско-гвинейская любовь

© Валерий Щежин, 2020

© Виталий Симагин, оформление, 2020

Предисловие. Иррациональное в документальном

Это дебютная книга автора, где представлены его рассказы и стихи. Щежин по профессии врач, и надо сказать, что для нашей отечественной литературы сочетание врач – писатель отнюдь не ново и вместе с тем продуктивно. Достаточно вспомнить Булгакова, Чехова. Валерий Щежин по-своему продолжает эту славную традицию. И в книге, конечно, есть произведения, так или иначе тематически связанные с медициной. Кроме того, здесь есть и экзотический колорит. Ведь Щежин несколько лет проработал в Гвинейской Республике сначала преподавателем на медицинском факультете университета, а затем в клинике лечения укушенных змеями, где впервые в мире успешно применил отечественные медицинские приборы для лечения пациентов.

Эти «африканские» рассказы, безусловно, выделяются не только тем, что воспринимаются нашим читателем как нечто необычное, диковинное, но и тем, что написаны они очень живо и искренне. Автор – прекрасный рассказчик. Сюжет, как правило, четко выстроен, диалоги персонажей убедительны, детали точны и работают на создание художественного целого.

Один из лучших рассказов в книге – «Советско-гвинейская любовь». О любви русского рабочего бокситного карьера и юной гвинейской принцессы. Конечно, герой не знал, что она принцесса. Рассказ удивительно чувственный (что для автора, в общем-то, нехарактерно) и при этом пронизан доброй иронией. И, кстати, использование двух граней комического – иронии и юмора – характерная черта для всей прозы Щежина и части стихов. Это своеобразная форма сочувствия автора своим героям, которая никогда не выражается напрямую, а только лишь через образные средства и особую импонирующую персонажам интонацию.

«Семибратов был мужик стойкий. Братьям по дырявой гостинице (окна, двери были без стекол, только решетки) ничего не рассказал. Ночь в Африке наступает резко. Лежа под пологом, не пропускающим подлых комаров (не звенят, как наши российские комары, подлетают тихо, кусают мягко, но с малярийным плазмодием), Леня в который раз прокручивал вечернюю встречу. Заснул беспокойным сном с поллюциями». Уже в этом эпизоде можно увидеть основные черты прозы Валерия Щежина: предметность, обстоятельность, внимание к подробностям африканского быта (иногда граничащее с дотошностью) и обаятельная ироничность интонации рассказчика.

Порой тексты книги кажутся документальной прозой, без сантиментов и эмоциональных всплесков, но при ближайшем рассмотрении – с пронизывающим всю образную структуру книги сочувствием и умением нащупать этический стержень каждого описываемого события. Заметьте – без всякой назидательности. И никакой романтики – только жесткая реальность.

Семибратова, конечно, высылают из страны – и конец любви. Но обаяние этого рассказа (да и многих других) в том, что автор всегда допускает в повествовании присутствие некоего иррационального, того, что называется чудом. Что же в итоге происходит с влюбленными? Они встречаются через 30 лет. У каждого уже давно своя семья и взрослые дети. Но, оказывается, у Семибратова в Африке есть взрослый сын и внук с внучкой. Родная кровь.

Замечателен рассказ «Вандалы». Здесь уже не гвинейские, а наши, российские реалии. Короткий, написанный с юмором.

И фразы будто рубленые. «Немного на электричке, немного на автобусе, еще немного пешком. Но дорога родная. Погода летняя, ночь, пол-луны светит». Пейзаж описан вроде бы нарочито аскетично, без всяких романтических красотей, а картина воочию предстает перед глазами.

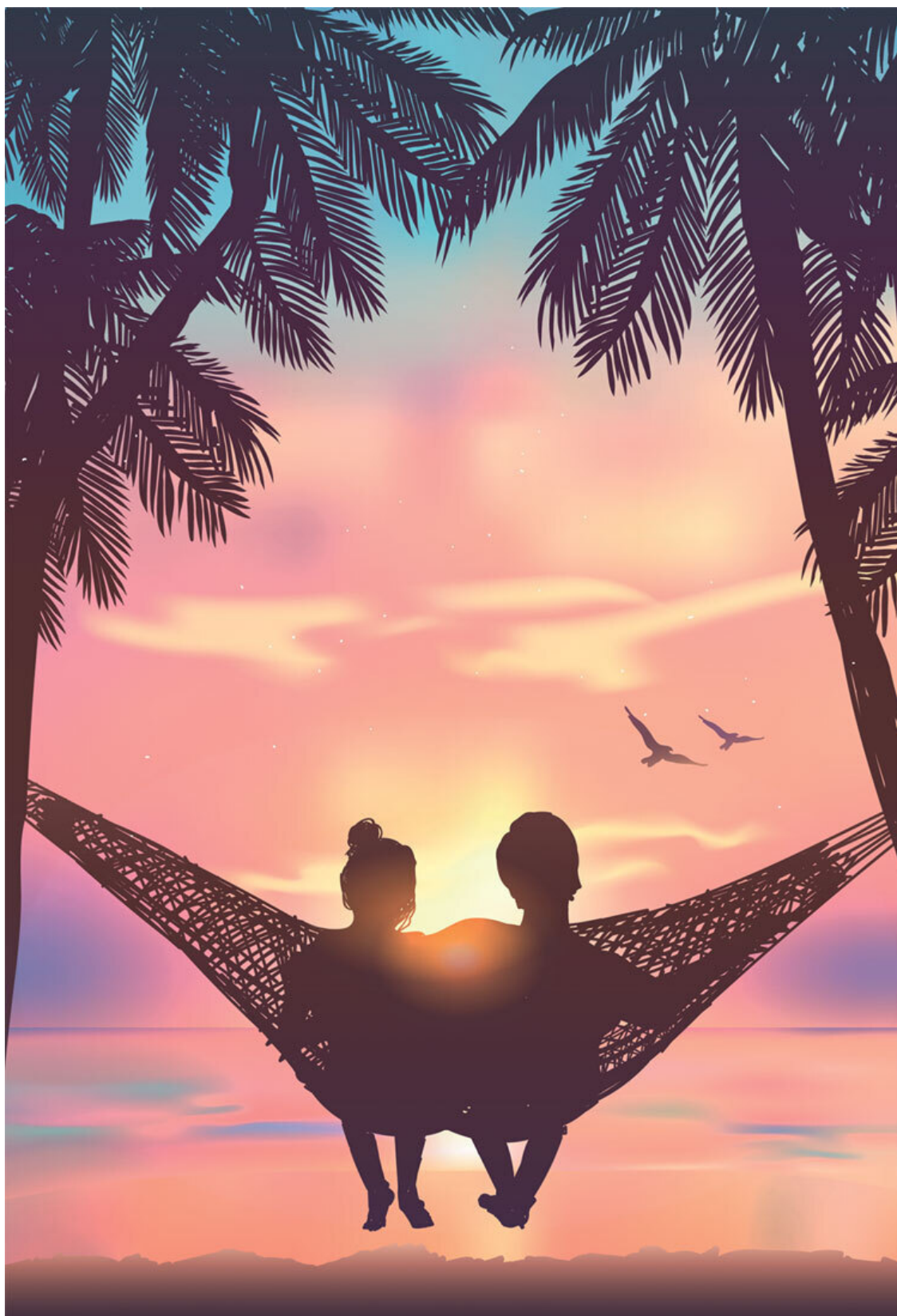
Выделяется рассказ «Золото». Все повествование ведется от лица рассказчика. Речь идет о купце-золотаре Елизарове, который организовал на сибирской речке золотой прииск. А потом все разрушила гражданская война. Казалось бы, действия в рассказе никакого нет,

только экскурс в прошлое. А все зримо: и герой, и история отечества нашего, и ненавязчивая мораль нестяжательства. Нестяжателем, оказывается, можно быть, даже организовав золотой прииск.

Отдельно следует отметить научно-фантастические рассказы. Стилистически они написаны в том же ключе, что и остальные рассказы. Но чувствуется, что автор владеет материалом не понаслышке. Видимо, ему ранее приходилось сталкиваться с темами, которые здесь поднимаются. Думаю, высказанные в этих рассказах мысли могут представлять интерес и для профессионалов.

Произведения Валерия Щежина, несомненно, из тех, что западают в душу и остаются в памяти, они подкупают добрым мироощущением, сердечностью, отсутствием цинизма и пошлости. Таких книг сегодня не хватает.

Анастасия Ермакова, заместитель главного редактора «Литературной газеты»

Советско-гвинейская любовь

Часть первая

В советском посольстве Гвинейской революционной Республики паника. Рабочая паника. Один из немногочисленных племенных вождей по имени Дубани подал через президента Секу Туре, большого друга СССР и лично Леонида Ильича Брежнева, ноту протеста с требованием в течение двадцати четырех часов депортировать одного из рабочих бокситного карьера Дебеле за пределы республики. В противном случае, говорилось в обращении, он будет посажен в гвинейскую тюрьму или убит.

Гвинейская тюрьма, надо сказать, заведение специфическое. Сделана она по образцу старых арабских и представляет собой глубокую, почти десятиметровую яму, куда не попадает свет. Сидящим в ней узникам время от времени спускают на веревке еду. Испражнения поднимаются не каждый день. После нескольких месяцев такого заключения, если жертва выживает, ее в солнечный день резко поднимают из ямы на свет. При этом происходит ожог сетчатки глаз, в течение нескольких минут человек слепнет – следовательно, и угрозы уже никому не представляет. Так в прежние времена правители расправлялись со своими конкурентами и врагами. Поступали, по их мнению, гуманно – не убивали.

Рассказывали, что однажды два наших моряка с сухогруза, стоявшего на якоре в заливе, решили прогуляться по гвинейскому побережью. Вплавь, благо вода в гвинейском заливе теплее парного молока, добрались до берега, где были благополучно подобраны береговой жандармерией и, несмотря на сопротивление, посажены в такую яму на острове Тамара.

Неделю посол и консул прикладывали все возможные дипломатические и не только усилия, доказывая, что моряки эти не диверсанты, а просто любители поплавать на спор. Вытащили бедолаг из ямы, правда, совершенно седых.

В каждой стране свои порядки. Даже в маленькой. Их надо уважать.

Партия наших рабочих – шоферы, бульдозеристы – работала на бокситном карьере, расположенном в ста километрах от столицы республики Конакри. Разведка была сделана советскими геологами. Обнаруженная руда оказалась самой богатой по содержанию алюминия из всех мировых месторождений бокситов. Рабочие карьера, как и положено всем выезжающим за границу по контракту, прошли тщательную проверку на благонадежность и идеологическую подготовку сотрудниками ЦК партии на Старой площади в Москве. Любовь к Родине и никаких контактов, дискредитирующих советского человека. На что не пойдешь ради чеков, на которые свободно сможешь купить машину и заграничные шмотки в «Березке».

Прошло почти пять лет с момента агрессии, проявленной в отношении Гвинеи. Триста наемников-авантюристов, неизвестно кем нанятых, предприняли попытку сместить Секу Туре, снова поработить гвинейцев и захватить все богатства Гвинеи. Высадившись в джунглях, они кое-как добрались до Конакри, где по просьбе Секу Туре были «случайно» встречены на побережье советским спецназом. Оставшиеся после встречи в живых оказались загнанными в аэропорт и окруженными уже гвинейской армией. Надеясь на хотя бы тюремное заключение, сдались без сопротивления, но для устрашения других были повешены на столбах городского моста.

Высшему классу гвинейской интеллигенции – деканам Конакрийского университета, построенного Советским Союзом в рамках программы строительства социализма в отдельно взятой Гвинейской Республике, были выданы советские автоматы с патронами. Ночью они выходили на балкон и палили в воздух – на всякий случай. Знай, мол, наших. Агрессия. А может, от страха.

Молодые офицеры, даже женатые, еще долго ходили в ночное патрулирование, благоухая парфюмом. Уж больно гвинейские женщины любят духи. Жены спрашивают: куда? Те отвечают: как куда!? Агрессия!

Была здесь и своя Жанна д'Арк. Она первой выступила по радио с призывом к гвинейскому народу оказать сопротивление агрессии. Ее огромный портрет долго висел в основной аудитории Конакрийского университета.

Но не в этом дело. Месяца четыре мужики, которые без жен, обычно держатся, на местных красоток даже не смотрят. Ну а дальше? Ведь даже в древности персидские правители при подготовке мамелюков раз в десять дней привозили в лагерь женщин. Каждому мамелюку. Не опасаясь за их боевой дух. Американские нефтяные магнаты тоже регулярно доставляли бордели в буровые поселки на севере, где впервые примененными нашими геологами вахтовым методом работали нефтяники, и существенно сэкономили на этом.

Так вот. Рабочий бокситного карьера Леонид Семибратов, неженатый высокий красавец блондин 27 лет, после тяжелого пыльного рабочего дня отправился к речке помыться. Задержался, отстал от «бригадного стада». Вышел к речке и обмер: такой красоты он еще не видел! Ну было, когда советским автобусом побригадно их вывозили на конакрийский фруктовый рынок. Видел он стройных, слегка губастых, почти не одетых молодых негритянок с европеоидными чертами лица и точеными фигурами. А если такая шла с тазом на голове, грациозно покачивая бедрами и изгибаясь в талии, плыла, словно пава, тут уж само собой возникало непреодолимое желание идти следом. Что мужики и делали. Невольно. Как бычки на веревочке.

Но здесь... На противоположном берегу, на гладких камнях, обкатанных быстрой речкой, – пять шоколадных молодых нимф, совершенно голых, с прелестными выпуклостями и впадинками с ложбинками, с изумительной шоколадной кожей, отсвечивающей и переливающейся в лучах заходящего солнца, с густыми смоляными шевелюрами. Увидев его, нимфы не завизжали, не засмутились. Спокойно, как ни в чем не бывало, продолжали свое омовение с мылом и мочалками. В конце концов, они были на своей территории. И лишь изредка косили на Леонида взглядом и настороженно переговаривались, готовые в любой момент упорхнуть при опасности.

Челюсть у Семибрата отвисла ниже плеч, шорты спереди странно зашевелились. По-французски он знал не много: «бонжур», «кеске се» – «что такое», «комбъен са кут» – «сколько стоит», «мадам», «мадемуазель». Пока собирался с мыслями на предмет того, как подкатиться к девкам, те закрутили бедра цветастой материей, которую Европа специально делает для стран третьего мира, и пошли... Грациозно двигая бедрами, потряхивая грудью без бюстгалтеров. Не приняты бюстгалтеры у гвинейских женщин – жарко. Да там и так все торчал.

Дух у Семибрата перехватило, в горле стало сухо. Тонким ценителем женской красоты он себя не считал, однако успел заметить, что одна из девиц в пятерке особо выделялась. Во-первых, грацией. Во-вторых, прическа у нее была с множеством торчащих, как иголки дикобраза, косичек. Видели они эту животину живую на гвинейской земле. И еще ощущалось к этой девице какое-то легкое почтение со стороны четырех остальных. Сердце Семибрата наполнилось непонятной смутой. Эта, с косичками, заворачивая за сейбу – огромное дерево с колючим стволом в четыре-пять обхватов высотой с пятиэтажный дом, такие на Руси не водятся, призывно-насмешливо скосила взгляд в его сторону.

Семибратов был мужик стойкий. Братьям по дырявой гостинице (окна и двери были без стекла, только решетки) ничего не рассказал. Душная теплая ночь в Африке наступает резко. Ворочаясь под пологом, не пропускавшим подлых африканских малярийных комаров (не звенят, как наши, российские, подлетают тихо, кусают нежно, но с малярийным плазмодием), Леня в который раз прокручивал в голове вечернюю встречу. Спал беспокойным сном с поллюциями.

День прошел в тяжелых трудах. Шла загрузка в вагоны руды для сухогруза. СССР к восьмидесятому году вывозил из Гвинеи три миллиона тонн руды. А американцы, подключившиеся к этому процессу позже и не поленившиеся построить обогатительную фабрику, – десять миллионов тонн руды, причем обогащенной. Но не об этом речь.

Вечер был за Семибратовым. Компания на том же берегу и в то же самое время оказалась прежней. Перешагнул Леня через речку, благо была неглубокая, сказал девкам «бонжур», широко и дружелюбно улыбнулся и стал брызгать на красавиц водой, не скрывая, что заигрывает с ними. Негритянки из местного племени с названием то ли малинке, то ли су-су были в чем мать родила, и Ленины плавки разрывались уже. Нимфы, переглянувшись, начали хохотать, но не убежали. Похоже, им льстило внимание белокурого белого красавца. Та, на которую он положил глаз, смотрела на Леню смело, не смущаясь, сверкая белками глаз и белозубой улыбкой на шоколадном фоне. Девки весело и оживленно лопотали на местном наречии. Голова у Лени закружилась, как от хмельного вина, но он четко помнил заветы со Старой площади: нельзя хватать и насиловать – международный скандал может быть. Опять же, в прошлом комсомолец, выбывший из идейных рядов по возрасту. Однако пара поощрительных жестов красавицы с косичками сломила Леню.

Прихватив одежду, с жестами и улыбками – Леня шутил по-русски, чем приводил девок в телячий восторг, компания двинулась по тропинке от речки в сторону гор. Километра через два Семибратов уже нежно держал красавицу негритянку за талию.

В деревню добрались в сумерках. В ней стояло штук двенадцать простых глиняных маза-нок, покрытых пучками длинной травы, наподобие наших соломенных крыш в глубинке России. Удивительны мазанки тем, что днем в них прохладно, а ночью не холодно. Хазы называются. Территория деревни чистенькая, дорожки посыпаны песком. Три небольших костра, на которых готовилась в котлах пища. Встретила их босоногая ватага малышни. Те, что постарше, улыбались, говорили: «Э... э... фотей», – и показывали на Леню пальцем. Младшее поколение при виде незнакомца ударилось в дружный рев – в их деревне появилась большая страшная белая обезьяна. Да еще и волосатая.

Местное население появлению Семибратова обрадовалось. Разнообразие все-таки в деревенской жизни. Народ в деревнях приветливый. Мужчины отнеслись к нему уважительно, поздоровались, посадили на почетное место. В костры добавили дров. После рыбы и риса с острым соусом, которые подавались в калемасах – посуда, растущая на деревьях, с жесткими стенками в форме тыквы, – на десерт было предложено манго. Леня, забыв про глистов и других паразитов, поглощал манго одно за другим. Сок тек до локтей, но на это не обращалось внимания. Самая лучшая тушенка и макароны, доставляемые сюда через Калининград, давно уже осточертели.

Наблюдая за хозяевами, Леня заметил их почтительное отношение к его пассии, которая от него далеко не отходила. Ужин закончился, девочка-подросток принесла воды в калемасе для омовения рук. После оживленной беседы с характерными возгласами: «э... э...» и веселыми улыбками, которые Леня угадывал по сверкающим в полутьме зубам, двое молодых мужчин вынесли из крайней хазы два барабана. Короткая настройка – и зазвучал веселый ритм, а затем и песня на местном диалекте, который Леня еще не выучил. Малышня бойко пустилась в безудержный пляс. Присоединившиеся к ним женщины призывно и соблазнительно двигали бедрами в такт музыке. Девчонки вместе с пассией образовали круг и под зажигательный быстрый ритм исполнили замысловатый сложный танец. Он назывался «птица». Похоже, устраивался концерт в честь гостя.

Семибратову, который от природы был человеком темпераментным, тоже очень хотелось оторваться в дружной компании, но, опасаясь дискредитировать великую страну и себя, он ограничился энергичным хлопаньем в ладоши. После получасового веселья, в ходе которого сменялись и песни, и танцы, пожилая женщина, по-видимому, старшая в деревне, произнесла

торжественно-резкую речь, и все стали медленно расходиться по своим хазам. Ленина пассия на несколько минут исчезла. Вернувшись, взяла его за руку и мягко, но настойчиво повлекла к крайней хазе. Тут Семибратов решил, что пора представиться. Ударил себя в грудь и назвал свое имя. Девушка оказалась понятливой и в ответ произнесла: «Айша».

Кругом было хоть глаз выколи. Только свет звезд. Недалеко от хазы виднелись густые заросли, в которых то мелькали, то неподвижно застывали какие-то огоньки, удивившие Леню. Он решил продемонстрировать свое знание французского и, указывая на эти огоньки, спросил: «Кеске се?». Айша засмеялась тихим грудным смехом и произнесла несколько слов, одно из которых он понял: манки – обезьяны. Они не могли пропустить концерт в деревне.

В чистенькой хазе горел ночник-плошка. В полумраке плыл тонкий аромат трав. Головой Леня почти уперся в потолок. На одной из стен причудливо вырисовывались их тени. Кровати в хазе не было – на земляном полу лежали циновки и что-то наподобие ковра. Слегка волнуясь, Леня обнял девушку за талию. Та не возражала. Он легко поднял красавицу – для его могучих рук она была пушинкой. Обхватив Леню за шею, Айша прижалась к его груди жарким телом. Голова Лени пошла кругом, но он устоял. Медленно опустился с драгоценной ношей на колени, положил ее на ковер. Он не торопился с финалом. Как говорил один мой старый друг, что такое любовь? Любовь – это ласки. Мощным выдохом погасив плошку, Леня медленно размотал сари. Руки уверенно нашли тугую грудь, крутые бедра. Губы нашлись сами. Айша была мягкой и податливой. Изголодавшийся по любви Семибратов с большой страстью, но осторожно использовал представившуюся возможность. Как в эту ночь, так и в последующие, не подвел державу. Доказал, что Россия сильна не только духом.

В частных беседах гвинейцы иногда обвиняли русских в расизме. Потому что у них есть дети от французов, американцев, немцев, канадцев, англичан, а от русских нет. Что тут скажешь? Просто те никогда не были на Старой площади и не проходили партийно-идеологический отбор и обработку выезжающих специалистов.

Проснулся Семибратов довольно поздно. Хаза действительно оказалась удивительным жилищем. Ночью в ней было совсем не холодно, хотя снаружи температура опустилась до 17–18 градусов. А днем, несмотря на жгучее солнце, жары тоже не чувствовалось. Ощущение глубокого удовлетворения разливалось по всему телу. Ужасно хотелось есть. Одевшись, вышел из хазы. Айша была недалеко. Радостно улыбаясь, отвела его к отхожему месту. Оно было оборудовано по всем правилам военно-полевой санитарии: выкопанные санитарные ровики каждый засыпал за собой. Орудие копки очень напоминало среднеазиатский кетмень, только чуть поменьше.

Уже была готова похлебка сложного состава. Выбирать не приходилось. С аппетитом съев из калебаса приличный объем, Леня слегка восстановил силы. Подали напиток на каких-то травах. Бодрящий, освежающий. Воспоминания о прошедшей ночи не располагали Леонида к возвращению на базу. Что-то, правда, немного свербило в душе, напоминая о долге перед Родиной, перед партией. Но недолго. Хотелось повторения ночи, и ради этого он готов был на все.

Леня был мужик работающий и без дела сидеть не привык. Поблагодарив за завтрак, жестами объяснил, что хочет посмотреть деревенские инструменты для заготовки дров. Топор оказался тупым и примитивным. За час он сделал к нему новую ручку и наточил лезвие на камне. Все это в окружении восхищенной голопузой толпы. Взяв топор, отправились искать сухие дрова – задача, надо сказать, не из легких. Кустарник и деревья колючие. Пришлось поработать и мачете. Нашли небольшой сухостой. Тяжелое бревно Леня принес сам, а ветки тащили следом дети и женщины. Вообще-то, это их будничная задача – добыча дров для очага. Население деревни оживленно лопотало. Картина для их взглядов непривычная – белый человек работает. По темноте дружно сходили на речку. Помылись.

Надо сказать, наши ребята часто удивляли гвинейцев. Русские во многом отличались от французов. Понятно, не только миссии разные, но и менталитет. На периферии, в городе Лабе, был сельскохозяйственный филиал Конакрийского политехнического университета. В восьмидесятом году механизацию там преподавал доцент из Башкирского сельхозинститута. Общительный, знающий свое дело. Один из сторожей сообщил ему, что французы, уезжая, разобрали трактор, а детали зарыли в землю. На всякий случай. Могила с деталями была раскопана, и вместе со студентами он под ехидными взглядами сторожа начал собирать трактор. Когда трактор завелся и тронулся с места, сторож-гардьен рванул по поселку с восторженными криками: «Вив рус, вив советик!»

Два дня пролетели, как в сказке. Эстетика не была чужда Леониду. Он искренне любовался Айшой. С восхищением смотрел на ее гибкий, как у дикой кошки, стан, стройную шею с красиво посаженной головой. Не многие европейские красавицы могли бы потягаться с ней в изяществе фигуры. Тонкие черты лица совершенно не портили чуть полноватые губы. Когда вместе со всеми женщинами деревни она готовила пищу, движения ее были непринужденно грациозны. Айша, чувствуя на себе восхищенный взгляд Лени, немного смушалась, но совсем немного.

На следующий день Айша сделала Лене предложение на французском. «Вояж» он понял и с радостью согласился. «Иль» – остров, уловил не сразу. Но это ничему не помешало. Только надо сходить к себе. Жестом показал Айше, что он туда и обратно. В гостинице было пусто – мужики на работе. Он быстро собрал кое-какие вещички, «силы» – гвинейские деньги, сколько было, написал записку, что, мол, в гостях, не беспокойтесь. На перекладных, где пешком, минуя полицейские посты, обошли Конакри с северной стороны. Ночью добрались до рыбацкого причала. Рыбаки – народ приветливый, гостеприимный. Айшу здесь знали.

Теплый Гвинейский залив, богатый гумусом, креветками, – излюбленное место обитания для всякой рыбы и морских черепах, дельфинов. На горизонте иногда можно увидеть даже фонтаны китов. Рыбалка здесь восхитительная – рыба травоядная, хищная – чего только не водится! Белый капитан, черный капитан, красный карп – деликатесные морские породы.

Рано утром знакомые рыбаки на стареньком дизельном баркасе, то и дело надсадно чихающем, выплыли в океан к островам, расположенным в нескольких километрах от Конакри. Расставили сети. Океан был цвета истинной морской волны. Теплый, прозрачный. Пассажиров доставили на остров и высадили в безлюдном месте. Мало ли чего. Соглядатаев много. Пляж, пальмы, песок, поющий под ногами... Наверное, с этих мест рисовались рекламные картинки экзотических стран. Баунти.

Рыбаки оставили им донку – кусок свинчатки на длинной леске с крючками, наживку, куп-куп и, конечно, мачете. Небольшой поселок на острове все же был. А на одном из трех островов даже располагался лепрозорий, который курировала жена президента Секу Туре. Но благодаря демократии (основной лозунг: мы бедные, но мы свободные) прокаженные свободно передвигались в Конакри, где хотели, – ходили по базару, по улицам. Надоедало – возвращались обратно в лепрозорий.

Рядом с пресным ручьем они соорудили шалаш из пальмовых веток. Причем Айша проявила недюжинный талант строителя-конструктора. Построенное жилище было недостижимо для дождя. Еще на берегу у коммерсантов-лоточников Айша купила зажигалки. А казан им дали рыбаки. Леня быстро приспособился к донке, с удовольствием натаскал приличной рыбы. Красавица хозяйка за это время сходила в глубину острова и принесла в подоле картофелеподобные плоды, которые гвинейцы называют «ням-ням». Очень богатые крахмалом. По форме напоминают длинный огурец в коричневой кожуре. Где-то отыскала четыре кокоса. Добычица. Леня похвалил ее по-русски, а она его по-гвинейски. Оба дружно расхохотались, обнялись, поцеловались. Шикарный тропический обед и ужин с кокосовым молоком были обеспечены.

Во время отлива в стороне от пляжа обнажились две каменные гряды с острыми и плоскими, обкатанными веками камнями. В щелях между камнями в лужах оставшейся воды Леня увидел довольно крупных крабов. Однако, когда он попробовал их поймать – деликатес же, те моментально исчезали. Заметив безуспешные Ленины попытки, Айша сжалась над ним и, посмеиваясь, продемонстрировала рыбацкую смекалку. Нашла в своем одеянии пояс, привязала к нему кусок оставшейся от обеда рыбьей головы и опустила в щель между камнями. Спустя минуту из-под камня появилась клешня, затем другая. Резкий бросок к привязанному куску рыбы, клешни сомкнулись – и краб был спокойно вытащен на берег. Не сумел вовремя отпустить добычу, потому и погиб из-за своей жадности. После аппетитного ужина с целой кучей сваренных крабов Леонид жалел лишь об одном – об отсутствии пива к такому деликатесу.

Во время отлива вода в океане становится спокойной и теплой. Зайдя подальше, влюбленные с удовольствием купались, хохоча и брызгая друг на друга. К удивлению Лени, Айша хорошо плавала. А подводный мир поразил его своей красотой и многообразием. Нырнув поглубже и открыв в воде глаза, Леня заметил плавно парящих над песчаным дном двух небольших электрических скатов. Раньше таких видел только на картинках, кажется, в учебнике биологии. Но подплыть к ним близко не решился.

С началом прилива на каменные гряды стали накатываться закручивающиеся волны высотой два-три метра. Семибратов, от избытка чувств решивший показать молодецкую удаль, начал нырять в набегающие волны. Айша забеспокоилась. Позвала его на берег. Яростно жестикулируя, объяснила на французском, потом на малинке, что это опасно и можно расшибиться о камни, а раны, омытые соленой морской водой, долго не заживают. Удивительно, но языкового барьера для них уже не существовало.

Леня послушно выбрался на берег. И вовремя. Мимо их шалаша как раз ползла красивая, с черным отливом полуметровая змея, при виде которой Айша стала землисто-серой. Молнией Семибратов метнулся к палке, лежавшей около костра. Змея, почувствовав опасность, встала в стойку и раскрыла капюшон. Похоже, это была кобра. Леня точным ударом саданул змею по голове, так что та, естественно, приказала долго жить. Испуганная принцесса, а Леня называл ее не иначе как «моя принцесса» и, как выяснилось позже, был недалек от истины, прижалась к нему в знак благодарности, а затем присела на корточки и по-своему помолилась о спасении.

Гвинейцы боятся змей до смертельного ужаса. И есть чего страшиться. Один из видов этих зеленых гадюк, которые часто встречаются на деревьях манго, наши ребята окрестили мангушками и для себя подразделили на двухминутки и пятиминутки. Это интервал между укусом и смертью. Из более чем ста видов змей в Гвинее около двадцати ядовитые. Особенно они злобствуют в начале влажного сезона и в брачный период.

Несмотря на вечернюю грозу, ночь прошла прекрасно, в бурных любовных ласках. Леня даже удивлялся, откуда у этой девчонки столько страсти и нежности. Ночью они спустились к океану искупаться перед сном. При каждом движении в воде поднималась туча искристых светлячков. Утром Леня не мог оторвать глаз от входящей в океан голой шоколадной наяды. Косички были распущены, и прекрасная пышная кудрявая шевелюра обрамляла ее светящееся радостью и нежностью лицо. Бросившись следом, снова стал страстно целовать соленые груди, плечи, щекоча небритой щетиной.

Увезли их по темноте на том же баркасе, хорошо нагруженном, помимо сетей, рыбой, которая утром должна появиться на рыбном базаре.

Переночевав у рыбаков, утром, с запасом провианта, воды и соли для деревни, беглецы двинулись в обратный путь. На попутном транспорте, а то и пешком, обходя солдатские посты, к вечеру добрались до родной деревни. Какое-то чувство вины перед Родиной у Семибратова периодически возникало, но ненадолго.

Пока их не было, в деревне случилось ЧП. Обезьяны напали на плантацию маниоки, что грозило деревенским остаться в сухой сезон без запасов. Обычно в таких случаях приглашают охотников. Как своему человеку Лене объяснили ситуацию эмоционально, с жестами. Он все понял. Показали длиннобой французского производства начала века. От колонизаторов остался. Патроны у старейшины деревни тоже имелись. Надо вырвать.

Набеги совершались рано утром либо вечером. И пошел Семибратов в засаду с длиннобойем и Айшой. Не тигры, конечно, но все-таки... Утро. Стая из примерно десятка крупных обезьян появилась стремительно и энергично набросилась на плоды маниоки. Вожак стоял «на стреме». А вот выстрела воришки не ожидали. Крупный самец рухнул сразу. Загонщики по всем правилам погнали стаю на охотника. Вторая обезьяна продержалась недолго. Остальные с дикими воплями мгновенно скрылись в зарослях кустарника.

Днем в деревне устроили праздник. Выделанные шкуры убитых обезьян уже сушились на солнце. Лене объяснили, что они пойдут на изготовление барабанов. Мясо, приготовленное особым способом, со специфическими приправами, неожиданно оказалось весьма вкусным. Семибратов был героем дня, Айша тоже принимала поздравления.

Консул советского посольства в Гвинее, армянин по национальности, стоял на ушах. Неделю о Семибратове, ни о живом, ни о мертвом, не было никаких сведений. Начальник карьера готовился к самому страшному – депортации на Родину. Пропажа человека хуже смерти от лихорадки или укуса змеи. На поиски мобилизовали «русских» гвинейцев из армии, а также «келькешозников» – вездесущий народ, коробейников, имеющих доход с советского барахла и с гвинейского эксклюзива. Такие есть в каждой африканской стране, и не только африканской. Бизнесмены.

Когда один из авторитетнейших вождей горной Гвинеи Дубани, некоронованный король, которого уважал не только народ Гвинеи, но и сам президент, узнал о проделках своей младшей, восемнадцатой дочери, он смог произнести только: «Э... э... э!...». Оскорбление чести гвинейского народа! Съездил в Конакри, пообщался с президентом Секу Туре. В советское посольство по дипломатическим каналам пошел официальный ультиматум. Он был предельно прост: сутки на депортацию Семибратова. В противном случае либо тюрьма, либо смерть.

В девять часов утра, когда до конца ультиматума оставалось пять часов, перед любовным приютом появился консул-армянин собственной персоной в сопровождении крепко сбитого сотрудника посольства. Не тайный, а явный любовник принцессы, которая гостила в тот момент у тетки по матери, вышел из хазы, небритый, в шортах и в рубашке с коротким рукавом, глядя на мир ясными счастливыми глазами.

Сопровождающие со злыми лицами, под белы ручки с обеих сторон, впереди проводник-гвинеец, повели Семибратова к дороге, где ждала посольская машина. Айша, выбежавшая из хазы следом, все поняла, упала на колени. Плечи ее вздрагивали от рыданий, из глаз катились крупные слезы. Провожать и бежать за мужиками она не стала. Леня повернулся к ней, прощально помахал рукой. Глаза его тоже повлажнели. Он не был беспечным человеком, но, что будет впереди, его сейчас мало интересовало. Деревня Леню провожала тепло.

Машина иностранная, с кондиционером. Рванула с бешеной скоростью в сторону Конакри. Через заднее стекло Леня увидел едущий вслед за ними автомобиль с гвинейцами. У одного в руках «Калашников». «Странно, такой эскорт, я что, важная птица, что ли?» – с недоумением подумал Семибратов. Потом его внимание переключилось на пламенную речь консула. С уважением, стараясь не пропустить и запомнить все сказанное. По-видимому, в институте международных отношений в Москве существовала специальная кафедра по преподаванию русского и иностранного мата. А может, специальные курсы повышения квалификации. Многое было понятно. И только когда вклинивались армянские ругательства, Лене хотелось задать вопрос, что это означает, но он стеснялся.

«Ну ладно бы крестьянку трахнул, а то ведь принцессу!» – орал консул.

«То-то ей все вокруг почтение оказывали», – запоздало сообразил Леня.

Через полчаса грозного молчания и бешеной гонки по крутым, неухоженным дорогам (как у нас в России, в глубинке) консул не выдержал и с чисто мужским любопытством и даже некоторой завистью спросил: «Ну а девка-то как?» Консул был ходок по женщинам еще тот.

Задумчиво, с туманно блуждающим взглядом, потирая небритые щеки, Семибратов глубокомысленно и совершенно искренне ответил: «Не было в жизни у меня такого, да и вряд ли когда теперь будет».

У пограничного пункта со Сьерра-Леоне их уже ждали. Гвинейское сопровождение вывалилось из машины. Нахально улыбаясь, посмотрело на часы, поправило на плече автомат. До конца ультиматума оставалось сорок минут. Консул передал сьерралеоновским советским ребятам Ленин паспорт, сопроводительную бумажку и выпихнул Леню через границу. На радостях станцевал армянский танец «кучари». Погрозил Лене кулаком. В заключение раздал взятки постовым и сопровождающим. Сказал: «За работу, подарок». Все остались довольны. Но, в общем, это была его работа – спасти своих граждан. Ну и чтоб мозги не расплавились от тропической жары.

Начальник карьера получил выговор по партийной линии. Он за все в ответе. Семибратов без особых приключений добрался до родных Хибин. На заработанные чеки отоварился в «Березке». Даже на «Запорожец» осталось.

Мужики на карьере с удовольствием обсуждали Ленин подвиг. Восхищались, шутили. Но повторить никто не решался. Сказывалась профилактическая проработка консула... И еще очень хотелось поиметь за гвинейскую жару «Волгу». Голубая мечта многих в те годы. А потом, все же помнили, что за их спиной стоит Родина.

Семибратов долго никому не рассказывал эту историю. Он был истинным мужчиной. Тосковал. Несколько раз пытался снова пробиться в Гвинею, но уже был невыездным. При встрече с друзьями, после выпитой определенной дозы, часто пел старую туристскую студенческую песню: «У девушки с острова Пасхи родился коричневый мальчик. Искали виновника, поймали чиновника, съели в саду под бананом». Там, на острове, ритуал такой заведен: каждую пятницу надо кого-то съесть под бананом.

Не женился Семибратов тоже долго. Во сне часто видел свою принцессу. Мучило его подозрение, что есть у него коричневый наследник в Африке. Знать точно не знал, но очень хотел в это верить.

За тридцать с лишним лет, с тех пор как Семибратов был депортирован из Гвинеи, многое изменилось в его жизни. По-прежнему в Хибинах, но начальник участка, появилось рабочее брюшко. Отец семейства, седина в шевелюре. Но все эти годы постоянно преследовала его ностальгия по Гвинее, по Айше.

Пошел 2007-й год. Решил Леня посетить незабываемые места. Вместе с младшей дочерью три месяца интенсивно учил французский. Сколотил достаточную сумму, взял отпуск. Жена особо не возражала. Нашел в Москве гвинейское посольство, договорился о туристической визе на месяц.

Июнь. Вышел из самолета и сразу будто попал в предбанник парной. Гостиница прямо на берегу океана. Морская волна в прилив и отлив ублаживала мягким шипением и плеском.

Многое изменилось и в Гвинее. Уже сменились два президента, вовсю процветали демократия, коммерция и капитализм. Столица значительно разрослась, по улицам сновало множество машин.

Лене очень хотелось отыскать Айшу. И он надеялся на чудо. А чудо появляется тогда, когда в него сильно верят.

В карьерный поселок, где жил раньше, добрался без особых приключений. Здесь хозяйствовал «Русал». Поселок обновился, даже своя поликлиника появилась. Был конец рабочего дня, и народ возвращался с карьера смыть пыль, отдохнуть, поужинать. Пыль в карьере была

красная, Леня ее хорошо помнил. Познакомился с двумя шоферами, представился. Пропуск у него в общежитие был, бутылку армянского коньяка захватил с собой. За вечерним чаем с коньяком Леня немного путано объяснил цель своего визита. «Погоди, я работаю здесь уже пятнадцатый год. Так это ты и есть тот парень, который трахнул принцессу?» – с изумлением уставился на него крепкий, волосато-бородатый шофер.

«Да, это я», – смущенно-гордо признался Леня.

«Ишь ты, люди уходят, а легенды о них остаются на многие годы», – с восхищением покрутил головой шофер.

Интерес присутствующих к Лене повысился. Раскрылся холодильник, досталась запотевшая.

За такое дело надо выпить. Ну, за любовь! Стаканы дружно сомкнулись над столом.

«Да, брат, сейчас совсем другое дело, – начал старший. – Хочешь чернявую – найдешь по вкусу. Только плати и не подхвати чего-нибудь. А в те годы только фээргешники и могли себе позволить жениться на гвинейках и увозить их к себе. Мне преподаватели из университета рассказывали. Ортопед фээргешник работал в госпитале, делал костыли. За сорок уже, сам прихрамывал. Таковую девку красивую оторвал – увез. Все мужики преподаватели только облизывались и завидовали. А ты не мог. Дискриминация была. А сейчас демократия».

«Эх, если бы не это, было бы у меня сейчас не меньше пяти собственных негрят-мулатиков», – задумчиво и тоскливо произнес Леонид.

«Не вешай носа! Есть тут местный парень, Бангура, гардбен, немного говорит по-русски. Он тебе точно поможет».

На том и порешили, заключив это последним тостом.

Утром под руководством Бангуры, говорливого парня, добрались до нужной деревни. Она сильно изменилась, выросла, вместо хаз – кирпичные дома, даже электричество появилось. Бангура сразу повел Леню к старосте. Пожилой крепкий гвинец, с бородой, в балахоне под мусульманина. После традиционных приветствий Бангура на местном наречии представил Леонида и объяснил задачу. Почесав в затылке и в бороде, староста решил созвать совет деревни. Через час народ собрался. Малышне были розданы конфеты.

Как смог с помощью Бангуры Леня объяснил, что ищет Айшу, что дело было в эпоху Секу Туре. При упоминании имени Дубани один из присутствующих узнал Леню и стал что-то оживленно рассказывать присутствующим на местном языке. Заулыбались. Дискуссия разгоралась. Узелок завязался. В результате нашли потомка тетки Айши.

И, как в хорошем детективе, стали раскручивать цепь. Одно Семибратов понял: Айша теперь большой политик. Леня поблагодарил присутствующих и оставил подарок в денежном эквиваленте.

На следующий день вместе с потомком добрались до Конакри. Попетляв по улицам, в одном из министерских кварталов вышли на бюро с вывеской «Ассоциация гвинейских женщин». Потомок молвил: «Il faut chercher cette femme ici». «Ну, начнем шерше», – сказал себе Леня. Но сердечко стукнуло, заволновалось.

В бюро на втором этаже оказалось много ярко наряженных женщин. Потомок после распросов уверенно постучался в одну из дверей. В комнате было несколько посетительниц. За столом сидела довольно крупная, седовласая приятная женщина с традиционным, как у всех, тюрбаном на голове. Что-то энергично объясняла другой. Потомок нахально вклинился в разговор и объявил, что ее ищет белый. Женщина недовольно встала. Сердце Лени бешено заколотилось. Единственное, что он смог выговорить: «Бонжур, Айша!»

Женщина оторопело посмотрела на Семибратова, побледнела, насколько он мог заметить, интернационально ойкнула и медленно опустилась в кресло, закрыв лицо руками. Выдохнула только: «Леонид!» Присутствующие, видя неординарную ситуацию, деликатно вышли из кабинета.

Он нежно обнял ее за плечи, а она поцеловала его руку. Через минуту Айша вскинулась и сказала: «Пойдем, ты должен увидеть своего сына». Говорила по-французски, но Леонид понял смысл сказанного. Во дворе стояла ее машина. Вела машину Айша уверенно, несмотря на полное отсутствие на дорогах светофоров. «Подожди, там, наверное, есть маленькие дети. Надо купить подарки». «Да, у тебя уже есть внук и внучка», – улыбаясь, сказала Айша.

В индийском универмаге купили красивую куклу и военную игрушку. По дороге, благо были пробки, Айша успела рассказать о своей судьбе. И вот что он понял. После расставания с Леной отец, как она ни брыкалась, срочно выдал ее замуж – она стала второй женой крупного чиновника из министерства финансов. Кроме первого сына мулата, родила еще двоих детей. Окончила юридический факультет университета. Даже преподавала в лицее. Когда дети подросли, занялась благотворительностью, а потом и политической деятельностью. Сейчас депутат ассамблеи, возглавляет ассоциацию женщин Гвинеи. Муж несколько лет назад умер. Оставил неплохое наследство и президентскую пенсию.

Через час с лишним припарковались у дома в трех уровнях.

«Твой сын – коммерсант. Торгует рыбой. Кончил коммерческий колледж во Франции, учился в Марокко», – сообщила Айша.

В воротах их уже ждал молодой мускулистый мужчина – мулат с курчавой шевелюрой. Несколько сзади – миловидная гвинейка в цветастом пани. Им заранее позвонили. Как положено, трижды приложились щека к щеке.

Мужчина перевел взгляд на мать: «Это кто?»

«Знакомся, это твой генетический отец, он ищет тебя», – просто, без драматизма произнесла Айша.

Мужчина сначала растерянно посмотрел на мать, переспросил, словно не веря, но через минуту обрадовался, обнял Леню и повел всех в дом. Дом не бедный. Навстречу гостям выбежал мальчишка лет семи, а следом, не торопясь, шла трехлетняя красавица с косичками и бантом на голове, кокетливо демонстрирующая свое красивое платье. Гвинейцы любят одевать детей красиво. Даже бедные. Конечно, все внимание было направлено на нее.

Развалины старой гвинейской тюрьмы, внутри которой находится яма (остров Тамара).

«Как тебя зовут?» – задал стандартный вопрос Леонид. «Айша», – прозвучало в ответ. Малышке объяснили, что это ее дед. Подарки были приняты, и Айша-младшая охотно пошла к деду на руки. Доверчиво обняла его за шею и стала тереть бороду. У Лени перехватило горло.

Своих внуков в России у него еще не было. Айша не слезала с его рук до самого отъезда. Родная кровь...

Часть вторая

Одесса славна не только Дерибасовской, шумными пивными и отчаянными моряками, разноголосым Привозом, Адмиральской лестницей, знаменитым одесским юмором и вареной кукурузой. Всего не перечислить – Леонид Утесов пел, что Одесса очень велика. Известна она еще и как кузница кадров для работы в жарких странах, расположенных намного южнее Черного моря. Одним из подразделений этой кузницы является Одесский медицинский институт. Неоднократно его лучшие специалисты отправлялись на работу в Гвинейскую революционную Республику. Вот и в семьдесят восьмом году прошлого столетия институт послал лучшего доцента кафедры рентгенологии преподавать на медицинском факультете Конакрийского политехнического университета, основанного Советским Союзом по программе строительства социализма в этой стране. Надо отдать должное Секу Туре, в эпоху его правления образование было первейшей задачей правительства. В Конакри все дети учатся. На периферии при школах обязательно имелись пришкольные участки, где дети работали на земле – сеяли и сажали.

К университету в республике было исключительное внимание. Здесь царила почти военная дисциплина. Каждое утро перед занятиями линейка с подъемом флага и гимном. Студенческая столовая. Утром бесплатный завтрак. Общежитие для иногородних. Медицинский факультет находился на особом положении. В условиях жесткой конкуренции, без блата, сто пятьдесят студентов принималось в медицинскую школу, вроде нашего медучилища. Три года они изучали полную программу по советскому образцу. Занятия вели в основном советские преподаватели. Были, правда, еще канадцы и немцы из ГДР.

В первые годы существования университета все контрольные и экзамены проходили под жестоким контролем военных с автоматами. О шпаргалках даже не мечтали – это было практически невозможно. Замеченного тотчас ставили к стене, руками на стену, до конца экзамена. Ну а если проштрафившийся студент хотел остаться учиться, приходилось пройти через публичную порку. Мужчины со спущенными штанами, девчонки в брюках – жгутом из скрученных электрических проводов. На сцене, в назидание другим, чтобы неповадно было. Руководил экзекуцией обычно сам декан. В восьмидесятые годы присутствие солдат на экзаменах было отменено, а порки оставались.

Через три года учебы подводились итоги по результатам контрольных и экзаменов. Сорок лучших студентов переводили на четвертый курс университета, где они и заканчивали обучение, проходя уже клинические дисциплины. Причем отбирались действительно лучшие, и работать с ними преподавателям было одно удовольствие. Сегодня эти ребята занимают ведущие посты в гвинейском здравоохранении. Многие работают по всему миру. Хорошие специалисты везде нужны. Но речь не об этом, а о любви.

Гвинейский республиканский госпиталь расположен в центре Конакри, в красивой пальмовой роще. Окна в палатах только с решетками. Жарко. Двери не везде. Никакого казенного постельного белья. Пищеблока нет. Вернее, он есть, но не функционирует. Приличное оборудование только в двух отделениях: хирургическом и офтальмологическом. Последним заведовал гвинейский врач, обучавшийся во Франции. Он же декан медфакультета. Психических больных содержали в подвальном помещении госпиталя. Пищу им подавали сквозь решетку. Экскременты вымывали водой из шланга. Особо буйных приковывали цепями. Гулять не выводили. И только благодаря активному вмешательству психиатра из одесского мединститута – маленькой белокурой и миловидной Лили – удалось покончить с этим средневековьем и более широко внедрить медикаменты для лечения психических заболеваний. Рядом с госпиталем находилось городское кладбище. Специально для «продукции» госпиталя.

Советские преподаватели медфакультета (ниже кандидата наук среди них не было) – народ любопытный, да и науку требовали. В госпитале, в одном из отделений, периодически

бывало много умирающих от тяжелых поносов. На кроватях, где они лежали, с одного конца торчала серая голова, затем простыня, с другого конца можно было обнаружить ступни ног. У них брали кровь из вены на исследования. Писали научные статьи. В середине восьмидесятых, когда поднялась шумиха по поводу СПИДа, исследователи, проанализировав данные статей, схватились за голову. Все сходилось. В панике начали созваниваться, обмениваться информацией о наличии признаков СПИДа у себя и у других. Слава богу, все живы до сих пор. Но не в этом дело. Дело в любви.

В октябре приезд новой группы преподавателей на медфакультет отмечался сначала представлением и приветствием, а затем декан факультета сообщил о введении грандиозных программ. Программы эти представлялись из года в год. После этого новичков со всех факультетов традиционно вели в ботанический сад, заботливо созданный еще французами. В нем были собраны уникальные образцы тропической флоры и даже фауны. Но в семьдесят восьмом году слон сбежал, тигр ускользнул еще раньше. Один из ветеранов, приехавший в Гвинею во второй раз, спросил экскурсовода-гвинейца: «А где большой питон, который жил в этом вольере два года назад?» Тот грустно слотнул слюну и развел руками: «Сбежал». По представлениям многих народов, особенно африканских, все, что ползает, летает, бегаёт или плавает, – съедобно.

Рентгеновский кабинет и клиническая лаборатория находились в отдельном от госпиталя помещении. Оборудование здесь, естественно, было советское, надежное. Спокойно выдерживало перепады напряжения в сети от 300 вольт до 160 за короткие промежутки времени. Как, впрочем, и наши советские холодильники. Французские холодильные установки и агрегаты прочих шведов в подобной ситуации вылетали из строя моментально.

Рентгеновскую службу Александр Васильевич знал от и до. Приехал с запасом реактивов для проявления рентгеновской пленки, привез учебные рентгенограммы. Захватил и жену. На всякий случай.

В рентгеновском кабинете по штату положен лаборант. Дали Александру Васильевичу лаборанта. Черная молодая бестия. Грамотная, прошедшая медицинскую школу. Стройная, все округлости и впадины при ней в лучшем виде. Характер сметливый, легко обучаемая. После двухмесячной тренировки он получил достаточно квалифицированного специалиста, помогавшего ему и на лекциях. Знала неплохо французский и местные наречия. Жил Александр Васильевич на Донке, в аристократическом корпусе для семейных преподавателей. Холостяки размещались в гостинице на берегу океана с верхнеоконной вентиляцией. Во время прилива воздух двигался от моря. Во время отлива – наоборот. В общем, циркулировал через комнаты круглые сутки. Зато до океана тридцать метров. Купайся – не хочу.

Советские женщины быстро освоили два конакрийских рынка с большим выбором дешевых тканей. По гостиничному корпусу в порядке очереди из рук в руки передавались две швейные машинки. Шитье нарядов и их демонстрация шли полным ходом круглый год. У мужиков голубой мечтой были магнитофоны, двухкассетные. Добывали, кто как мог.

С электричеством в ту пору действительно были напряги. Столицу питала дизельная электростанция, которую обслуживали специалисты из ФРГ. Однажды они подготовили гвинейскую бригаду по обслуживанию дизелей. Простажиrowали, приняли экзамен. Уехали в отпуск. Через неделю после их отъезда свет в городе погас. Дизель запороли. Работали только два дизеля: в советском посольстве и во дворце президента. Пятнадцать дней город жил во тьме. Пищу готовили на керосинках. Пресная вода появлялась только самотеком с гор. Чесались все. Кое-как сполоснуться можно было только в два часа ночи, когда в городских резервуарах скапливалось немного воды. Немцы, конечно, вернулись – с запасными частями, доставленными морем. На пятнадцатую ночь свет включился. В ночное небо взлетел общеконакрийский рев радости. Можно было начинать жить заново. В том числе и рентгеновскому кабинету.

Надо сказать, что у русских опыта обучения гвинейских специалистов для народного хозяйства было больше, чем у немцев. Поставил как-то Советский Союз по ходатайству гвинейского правительства быстроходный рыболовецкий катер. Шесть месяцев лучшие инструкторы обучали мотористов, рулевых, капитанов. Пришло время сдачи экзаменов. Вся комиссия на катере. Гвинейская команда в морской форме. Катер резво отходит от пирса и с разворота шарахается о пирс. Вся комиссия падает. Председатель комиссии, он же главный инструктор, при падении ломает руку и разражается на непонятном для гвинейцев языке длинной тирадой. Строительство морского рыболовецкого флота Гвинейской революционной Республики на этом было завершено.

Катер потихоньку разобрали сначала на блестящие детали. А потом и на другие. Рыбу для Гвинеи по-прежнему ловили советские траулеры. Ну и себя тоже не забывали. Такая же примерно картина была и с воздушным флотом. Было и другое. Но речь не об этом.

Мастерство проявления рентгеновской пленки с каждым днем росло. Учебный процесс шел успешно. Пролетело полгода. Работа в рентгеновском кабинете обычно происходит в темноте. Специфика. Только при красном свете. Жарко, кондиционер работает не всегда. Приходится трудиться практически нагишом. Контакт у Александра Васильевича с лаборанткой часто был плотный, и глубокое дыхание у него случалось непроизвольно. Иногда он позволял себе шутя шлепнуть ее по плотной заднице, со смехом.

Какой нормальный мужчина в расцвете лет сможет выдержать присутствие молодой, по своему красивой и необычной, трущейся возле тебя практически обнаженной девицы? Устоять перед соблазном, не впасть в первородный грех? «Адам не устоял и не раскаялся в содеянном. Христос тоже был во грехе. Говорят, что после снятия с креста у него родилось еще двое детей», – рассуждал Александр Васильевич. Подумал. Но не долго и не мучительно. Условия для любви неплатонической в рентгеновском кабинете были классическими. Темнота дополнительно снимала тормоза.

В апреле они обследовали важную персону – лейтенанта жандармерии – и диагностировали у него рак легкого. Ему тактично сказали об этом. Через два месяца в единственной республиканской газете «Оройя» появился некролог по случаю смерти Мохаммеда Робани. Писалось, что Мохаммед прошел славный путь от рядового жандарма еще при французах, принимал активное участие в революционной борьбе за независимость Гвинеи вместе с Секу Туре, служил революции и дослужился до чина лейтенанта жандармерии. Заболев, поехал в Мекку – поговорить с Аллахом. И Аллах ему сказал, что если захочет, то оставит его на земле. Если нет, возьмет его к себе. Аллах взял его к себе. (Вероятно, на службу). И мы скорбим по поводу ухода от нас Мохаммеда вместе с его шестью женами и 49 детьми. Подпись: группа товарищей.

Вот на этой печальной ноте началась любовь между Александром Васильевичем и его жгучей лаборанткой. Отнюдь не платоническая, бурная, с мощным сексом во всех позициях.

А еще одним толчком послужил представительский концерт в Народном дворце, построенном также Советским Союзом. Весь мужской преподавательский состав с большим нетерпением ждал этого дня. Количество пригласительных билетов было ограничено. Предпочтение отдавалось новеньким. Не обижало себя только посольство.

После торжественной части с восхвалениями Секу Туре и некоторыми второстепенными номерами на сцене появились любимицы президента – десять шоколаднокожих саксофонисток. Фривольно одетые, с золотыми саксофонами, стройные, как статуэтки. Они выдавали такой джаз, который не снился Дюку Эллингтону и Эдди Рознеру вкупе с Луисом Армстронгом. Похоже, всем этим заправлял классный организатор. Да и девки что надо – талантливые. А в заключение – кстати, воспоминание об этом событии передавалось от одного поколения преподавателей другому как замечательная легенда – выступил женский ансамбль танца.

В сопровождающем оркестре – выдающиеся барабанщики. Органично включаются и саксофонистки. Сначала медленное шествие под спокойный барабанный ритм. Ритм постепенно

ускоряется, причем через каждые две-три минуты его рисунок меняется. И затем обрушивается лавина звуков – барабанов и саксофонов, как гроза с молнией, как поток тропического дождя. Грациозность движений танцовщиц, следовавших за мелодией и ритмом, завораживала. Это не был топот босых ног. Каждое движение выражало целостную картину – звериная походка, извивы ползущей змеи, битва или страстное любовное свидание. По ходу танца осуществлялся постепенный стриптиз по законам классики. Сверху вниз. Сначала с голов слетели тюрбаны, затем легкие шарфы после танца с ними. Изящно соскользнули с плеч прозрачные накидки. Неуловимыми движениями расстегнуты и отброшены бюстгальтеры. Оставались легкие набедренные повязки, развевающиеся во время танца. Мокрые от пота, сверкающие под софитами шоколадные тела танцовщиц с обнаженной грудью, колыхавшейся в ритме танца, чередование строгого и лихого ритма не оставляли равнодушными ни белых, ни черных. В зале стоял рев вперемешку с аплодисментами. Мужики вскакивали с кресел. Этот танец мог вернуть в строй любого импотента. Было видно, что прежде всего сами исполнительницы получали от танца невероятное удовольствие и наслаждение. Движений откровенно сексуальных не было.

После концерта мужики выходили с лихорадочно блестящими глазами, слегка утомленные. Думается, женская половина зрителей концерта в эту ночь получила все сполна, а может быть, и больше.

В рентгеновском кабинете были идеальные условия для неплатонической любви. Грех не воспользоваться. Свет выключался, над дверьми светилась надпись: «Не входить». Из кабинета оба выходили умиротворенные. На людях вместе не показывались. Презервативами не пользовались. Жена Александра Васильевича, занятая своими делами, конечно, что-то подозревала, но виду не показывала. И это понятно. Когда одесситов спрашивают, кто живет в Одессе, они обычно отвечают: немного русских, немного украинцев, остальные одесситы. Так вот жена Александра Васильевича была одесситкой.

После летних каникул состав рентгенологической службы не поменялся. Любовь возобновилась с прежней силой и даже чаще. Жизнь в очередной раз доказала, что биологической основы для расизма нет. Генетическая несовместимость между расами отсутствует. Наступила беременность, которая успешно развивалась. Черная бестия лаборантка хорошела, загадочно улыбалась. Александр Васильевич слегка мрачнел.

Вызов к консулу на ковер показался Александру Васильевичу несколько неожиданным. Перед ним был положен листок с текстом на французском языке, мелким почерком, сверху вниз, по-арабски. В конце стояла цифра: 800 долларов. Это было заявление родителей или родственников черной бестии. Каждая гвинейская семья, какой бы она ни была бедной, спокойно воспринимала рождение детей, даже незаконных. А тут, кроме ребенка, появилась возможность получить с белого за беременность круглую сумму. На содержание.

Александр Васильевич на дыбы: «Не я автор». После продолительно-утомительной беседы с консулом консенсус не был достигнут. Вопрос, естественно, перенесли на обсуждение на закрыто-открытом партийном собрании преподавательской группы. Коммунисту Александру Васильевичу вменялось в вину нарушение этических норм в чужой стране. Тот держался стойко. «Клевета, – говорил он. – Никто не видел». Такой же цитаделью предстал перед женой, которая закатила ему сцену ревности, а потом и скупости. Требуемая сумма равнялась двухмесячному заработку. В Гвинее это большие деньги.

Александр оставался непреклонным. Признайся он, последствия семейного скандала могли быть непредсказуемы. Скандальчик, хоть и локальный, разгорался. И тогда мудрым советским консулом-армянином совместно с посольским советом было принято единственно правильное решение: пока у черной бестии не родился коричневый, а может, и с белой кожей мальчик или девочка, депортировать морально неустойчивого коммуниста-одессита на родину. Поторопились немного родственники, да и в будущем могло этой суммой не ограничиться. Была проведена профилактика. Чего только не бывает в дипломатических делах!

Продав все личные вещи вездесущим коробейникам и приобретя взамен двухкассетник и несколько ритуальных масок для сувениров (гвинейские мастера искусно делали маски, скульптурные женские бюсты из черного и красного дерева, неподражаемые изделия из серебра), Александр Васильевич ближайшим рейсом Аэрофлота приземлился в Москве. Через неделю купил «Волгу» и вернулся на ней в родную Одессу. Спустя пару месяцев его вызвали в прокуратуру. Оказывается, бдительные соседи через прокуратуру решили выяснить: откуда у рядового советского врача деньги на зеленую «Волгу». Пришлось объяснить, что досталась она гвинейским потом и малярийной кровью.

Через год вернулись друзья-одесситы медики в отпуск. Естественно, собрались на «точку». Самые заядлые преферансисты. После нескольких рюмок традиционной «Столичной» под закуску из черноморской особым способом приготовленной кефали и другой снеди ударились мужики в воспоминания. Конечно, приступили к Александру Васильевичу с вопросами – Расскажи да Расскажи...

«Эх, мужики, вам такое и не снилось. Помните, как вы, словно за ниточку привязанные, плелись сзади за «шоколадками» – гвинейками, идущими с тазиками на голове почти в неглиже? А у меня все это было в руках. Ну вот ты, Толя, или ты, Сережа, выдержали бы, когда у вас на рабочем месте такое каждый день? Да еще и грудью горячей сзади наваливается?!»

Ответ был дружным: «Нет, не выдержали бы». Выпили за мужскую солидарность. Вспомнили, как немец ортопед, будучи уже немолодым, отхватил себе прелестную гвинейку, женился и увез ее в Федеративную Германию.

Александр Васильевич стал попивать. Гонял на своей зеленой «Волге» по всему кавказскому побережью безбожно лихо. На одном из крутых горных поворотов Военно-грузинской дороги не справился с управлением...

Вообще, о советско-советской гвинейской любви говорить можно много. Но это как-то похоже на сплетни. Не будем. А если у кого появится интерес, то за столом, с хорошим коньяком – пожалуйста.

Николя Зуманиги

Одиннадцать часов ночи.

В ворота университетской виллы преподавателей-миссионеров в Зерекоре, что в тысяче километров от столицы Гвинеи Конакри, раздался мощный стук. Сторож, молодой парень, как всегда, умотал по девкам. Пришлось мне открывать ворота. Въехал пыльный далеко не новый «мерседес». Из машины устало вышел высокий симпатичный, с крупными чертами лица гвинеец. Вынув мобильный телефон, набрал номер декана медицинского факультета университета «советика» и на чистом русском трехэтажным матом выдал несколько сочных фраз, смысл которых сводился к тому, что он приехал, а его тут никто не встречает! Как так?!.. Что за!..

Я от души расхохотался. Приехал преподаватель гистологии из Конакри. Свободная комната для него была готова. По законам гостеприимства, несмотря на позднее время, напоил его чаем, накормил чем бог послал и проводил спать.

Утром декан, окончивший в свое время Волгоградский медицинский институт и там же ординатуру по хирургии, и генеральный секретарь университета – есть такая должность в университетах Гвинеи (кстати, доктор физико-математических наук, защищался в России) – были на вилле.

Николя Зуманиги, так звали вновь прибывшего, тщательно обследовав место нашего проживания, навел такого шороху, что все тут же зашевелились. В течение дня нам сменили аккумуляторы солнечных батарей, починили замки у дверей, которые, наконец, стали нормально закрываться. Поменяли два водопроводных крана и в спешном порядке начали красить забор. До его приезда три преподавателя-миссионера в течение десяти дней просили администрацию университета исправить все, что не работало. Но просили жантийно (фр. – любезно, вежливо), интеллигентно. И в ответ получали лишь обещания, что завтра все будет сделано.

На следующий день мы присмотрелись друг к другу внимательнее. Ему вспомнить было проще. Оказалось, что в восемьдесят втором году, в свой первый приезд в Гвинею, я преподавал ему в медицинской школе Конакри физиологию. Обрадовались, разговорились. Мне-то запомнить его лицо было гораздо труднее – за три года через нас, преподавателей, прошло около пятисот студентов. Правда, Николя был одним из наиболее блестящих.

В последнее время он работал в республиканском госпитале в Конакри заведующим кардиохирургическим отделением. А гистологию прекрасно знал, поскольку кандидатскую диссертацию по этой теме защитил в Университете Патриса Лумумбы, где был самым выдающимся кружковцем на кафедре гистологии.

Занятия у нас обоих в университете начинались с утра. Пока мы преподавали, бонна готовила нам обед и что-нибудь к ужину. Вечерами появлялось свободное время, когда можно посидеть на веранде, если, конечно, не было дождя, поговорить. Сезон дождей в Зерекоре мог начаться и в феврале, причем даже с градом. Опоясавшая равнину горная гряда Нимба, символ Гвинеи, содержащая примерно шесть-семь наших русских Магниток чистого железа, задерживала тучи, которые обычно к вечеру черной лавиной обрушивались на город и близлежащие деревни. Возможно, благодаря этому здесь вызревали самые ранние в сезоне и самые вкусные ананасы, манго и другие фрукты. Да и народ в этой местности жил работающий.

В один из дней мы заранее купили все, что полагается для вечернего мужского разговора на веранде, благо бонна тоже постаралась и приготовила прекрасных угрей. Неспешная беседа под хорошую закуску располагала к откровенности, и я решился спросить:

– Николя, а как вообще сложилась твоя жизнь?

– О, так если вам интересно, это надо вспоминать издалека, с самого начала.

– Конечно, интересно, давай сначала.

– Ну ладно, – взгляд его стал задумчивым и немного грустным. – Мой отец в молодости служил во французской армии. Был храбрым солдатом, даже участвовал во вьетнамской

кампании, когда там были французы. Дослужился до лейтенанта, имел ордена. Благодаря этим заслугам мог бы поселиться в любом уголке Франции. Но единственное, чем он воспользовался, будучи в Европе, нашел красивую грамотную жену-португалку и привез ее в Гвинею. Да отец и сам был далеко не уродом. Посмотрите на меня. Я их третье поколение. Вы же знаете, мулаты всегда неординарны.

– Да уж, месье, противу Менделя не попрешь.

– Согласен, профессор, предлагаю ваше заключение подкрепить рюмкой виски. Благо закуска чудесная, – поддержал Николая.

Основная масса жителей Зерекоре – католики. Поэтому гонений на спиртное здесь нет. Даже налажено производство паленого джина.

– И что же было дальше? – мне не терпелось услышать всю историю.

– А дальше так. После обретения независимости первый президент Гвинеи Секу Туре нуждался в грамотных сподвижниках, и отец организовал службу жандармерии, став первым жандармом республики. По сути это было подразделение опричников при президенте, как во времена Ивана Грозного. Я немного читал историю России. Самые проблемные, порой жестокие, но крайне необходимые задачи решали именно жандармы. Не полиция, не армия. Там и до сих пор служат отборные, хорошо подготовленные ребята.

Я и мои братья получили хорошее школьное образование в частном колледже. Также с нами интенсивно занималась мать. Мог бы поступить сразу в университет на любой факультет, но выбрал медицинскую школу. А учеба там, как вы знаете, была не из легких.

Я дейс твительно хорошо помнил эт у систему. В медшколе Мафори Бангура конкуренция была отчаянной. При десятибалльной системе оценок студенты сражались за каждую десятую балла. Да и было за что. Экзамены часто проходили в присутствии солдат, возможность списывания исключалась. Из ста пятидесяти студентов школы только сорок самых лучших брали сразу на четвертый курс медицинского факультета университета. Остальные доучивались и получали дипломы фельдшеров.

Работать с этими сорока было одно удовольствие – они, как губка, впитывали в себя информацию и вытаскивали из тебя все, что ты знал. Вот бы нам внедрить такую систему обучения! Цены бы не было нашим врачам. А из тех, которых мы учили, вышли классные врачи. Сегодня это заведующие разными отделениями в клиниках Конакри и крупных городах, ведущие специалисты.

Встречая своих бывших студентов через четверть века, всегда интересуюсь: где остальные? О месье, этот работает в Болгарии, этот во Франции, другие в Англии, Америке, Южной Африке. Министр здравоохранения Гвинеи, который узнал меня при встрече, тоже один из тех, лучших.

Мы немного помолчали, вспоминая из общего прошлого каждый свое. Затем Николая продолжил:

– После третьего курса школы меня и еще одного отличника направили на учебу в Москву, в Университет Патриса Лумумбы. Но обучение началось не сразу. Едва мы с другом оказались в Москве, как нас вс тре тили и под черны ру чки с позволения гвинейского посольства отправили в Сибирь. Правда, не в качестве рабов на плантации, а как солдат стройбата – на строительство БАМа, в Усть-Кут.

М-да, Сибирь стала для нас, можно сказать, школой жизни. Кроме того, что пришлось адаптироваться к зиме, научились там класть шпалы, забивать костыли и, главное, общаться с русскими. Некоторые сначала даже думали, что нас сослали в Сибирь за какие-то грехи в Гвинее. Кормили здесь хорошо, а вот дедовщина была. Однажды «старик» решил заставить меня чистить его сапоги. А я не понимал, что такое «деды», «салаги». Отказался. Когда «старик» взбух, я предложил ему выйти поговорить. Тот посмотрел на мою комплекцию и передумал. Всем остальным сказал, что этот негр серьезный. И нас больше не притесняли.

А на Новый год мой авторитет вообще резко поднялся. На праздничном концерте в стройбате я исполнил две песни на французском языке. Без оркестра. После этого все девки Усть-Кута меня просто обожали. И с сексом, и без него. Может, в Усть-Куте даже остались дети моего производства, – Никола улынулся своим воспоминаниям, вызывавшим у него теплые чувства. – В общем, я стал популярной звездой. До сих пор с гордостью храню удостоверение солдата стройбата. Кстати, за время пребывания в Сибири мы даже посветлели. Солнца-то там мало. Ну а потом учеба в университете – за все годы у меня не было ни одной четверки. Только «отлично». Ведь в Гвинее нам три года преподавали кандидаты наук, и по советской программе. С первого курса я стал заниматься на кафедре гистологии. Сейчас покажу.

Николя сходил в свою комнату и принес советский учебник гистологии с дарственной надписью: «Лучшему кружковцу кафедры Николая Зуманиги от автора. Завкафедрой... подпись».

– Вот, берегу как реликвию, – он бережно погладил обложку книги.

Стол наш стал пустеть по всем показателям. Восполнить послали гардьена в соседние бутики. Вечером в них обычно шла бойкая торговля съестным и напитками, поскольку жара спадала и, соответственно, активность жителей возрастала. Откуда-то слышалась музыка. Молодежь тусовалась на танцплощадках. Иногда до трех-четырёх ночи. А утром не подняться. Студенты, те на лекциях с утра досыпают. Гардьен вскоре явился с приличной порцией шашлыка и батареей пива местного гвинейского производства.

Беседа пошла живее.

– До третьего курса я жил в университетском общежитии. Особого надзора за нами не было. Иностранцы. Общежитие-то смешанное. Африканские парни темпераментные, активные в сексуальном отношении. Почти все мои земляки переженились на русских девчонках. Я тоже не избежал этой участи.

Однажды в нашем общежитии появился пожилой грузин, случайно наткнулся на меня. «Слушай, – говорит, – тут моя дочь учится, и какой-то негр ее обрюхатил. Помогите его найти. Зарежу!» «Так сразу-то не найдешь, надо поспрашивать, – говорю ему. – Профинансируй». Тот достал кошелек и отстегнул приличную сумму. Вечером у нас был праздник.

Через два дня он снова пришел, нашел меня. Объясняю ему, что подключил к этому делу своих друзей, но желательно подкрепить бы финансово. Он подкрепил. А в третий раз он что-то заподозрил. В общем, выхода у меня уже не было. Пришел к нему домой с его дочерью, мегрелкой. На геофаке училась. Он меня как увидел, взревел, кричит: «Ну ты и мерзавец! Завтра же в ЗАГС!»

Вот так у меня в Москве оказалось два сына со сложной генетикой. Конечно, переехал жить к ее родителям. Теща меня обожала, пожалуй, больше, чем своих детей. Я был ухожен и вовремя накормлен. Мог полностью отдаваться учебе. Кроме гистологии, стал интенсивно осваивать хирургию. Прошел все этапы, и уже на пятом курсе ассистенты позволяли мне оперировать самостоятельно на брюшной полости и в гинекологии.

На распределение к нам приехал министр. Из трехсот студентов только двоих, меня и киприота, оставили в аспирантуре. Меня – на кафедре гистологии. А через два года я успешно защитился в присутствии двенадцати академиков. Материал у меня был клинический. Гистологические препараты описывал после хирургических операций на легких. Это помогло мне наладить дорожку и в грудную хирургию.

Кто-то пронюхал про мою защиту, стали предлагать уехать в Америку. Но из определенных служб мне показали кулак. Да и хирургией я увлекся. Через пять лет интенсивной хирургической практики мне предложили заведовать хирургическим отделением больницы министерства путей сообщения. А еще через три года стал заведующим хирургией второй кремлевской больницы. Оперировал много и успешно. Однажды в больничной малотиражке даже появилась шутливая заметка про меня под названием: «Негры захватили Кремль».

– Николая, давай рассказ о том, как ты после столь блестящей карьеры оказался в Гвинее, перенесем на завтра, – прервал я его, чувствуя, что в двух словах об этом не расскажешь, а время уже позднее. В восемь у тебя и у меня лекции, не хотелось бы опоздать. На посошок – и баиньки. Да и моросить начинается.

Сказано – сделано.

Следующий день оказался тяжелым, а вечером нас пригласили в гости к двоюродным родственникам Николая. Оказалось, Зуманиги, живущих недалеко от Зерекоре, довольно много – целый клан. Кроме риса с рыбной подливкой, нас угостили редким фруктом соп-соп – это крупные шипастые плоды с белой мякотью, богатой витамином С, – и пальмовой водкой. Так называется напиток из пальмового сока, с градусами. Собирается сок из надреза на вершине пальмы. Затем ему дают слегка забродить. Наподобие русской бражки. Понятно, что после такого угощения не до душещипательных бесед.

Только на третий день мы вновь собрались за вечерним чаем.

– Так как же ты все-таки оказался в родной Гвинее? – вернулся я к прерванной теме.

– О, это целая история с приключениями. К этому времени я в Москве уже хорошо зарабатывал. Двоих детей надо было кормить, содержать. Подрабатывал еще в клинике ЭКО. Придумал методику, по которой у нас рождались только пацаны. По заказу. Без осечек. Конкурененты, конечно, злились. Купил двухкомнатную квартиру. На радость теще и жене.

Но в двухтысячном Гвинее охватила золотая лихорадка, как в Клондайке. А она многих цепляет. Вообще, в Гвинее, кроме мировых запасов бокситов, есть все – полная таблица Менделеева и еще немножко. Алмазные трубки тоже. Двое моих знакомых уговорили меня во время отпуска помочь им как-то вписаться в эту погоню за золотым тельцом. Я сам по натуре тоже авантюрист. Загорелся. Месяц пытался использовать с этой целью связи отца, но он уже отошел от дел, да и постарел.

У гвинейцев существует такая хвастливо-шутливая поговорка: гвинеец – это не национальность. Это профессия. Сидящие в министерствах, у золотого корытца, зарабатывают гораздо больше тех, кто добывает золото в Гвинее. Пошел второй месяц. Деньги моих друзей и большая часть моих собственных улетели на взятки, а лицензию мы так и не получили. Попробуй, возникни! Тут же в тюрьме окажешься. А она в Гвинее ох какая некомфортная.

Короче, к концу второго месяца я все понял. Есть хорошая русская пословица: не знаешь броду – не лезь в воду. Но уж больно заманчивой была идея стать золотопромышленником. В общем, прогорел вместе с друзьями. Потом уже узнал, что я такой не один. Многие теряли в Гвинее крупные деньги на жажде золота и алмазов.

За всем этим времени прошло немало. Возвращаться в Москву стало неудобно. Да и должности мои были уже заняты. Пришлось приспособливаться в Конакри. Пустили меня сначала дежурником по экстренной хирургии. А когда я вытащил трех хирургических безнадег, мной заинтересовались, взяли в штат. Стал оперировать все, что умел. Как-то в присутствии главного хирурга госпиталя, профессора, защитившего докторскую в Болгарии, прооперировал зуб, и тот сказал: «Мне нечего тебе дать. Пожалуй, нам всем есть чему у тебя поучиться». После этого в 2005 году под меня организовали кардиохирургическое отделение.

Приходилось ездить в технические командировки в Германию. За оборудованием. Ну и там тоже оперировал. Немцы удивлялись моей оперативной технике и спрашивали, чья это школа. Не верили, что русская.

– А что с женой московской?

– Когда обосновался в Конакри, целый год упрашивал ее приехать. Приехала. Год выдержала, сказала – больше не могу, и уехала. Пришлось перебираться здесь. В конце концов, нашел гвинейскую хохлушку. Окончила Харьковский мединститут. Трое детей.

– Понятно, а с Москвой как?

– С Москвой я связи не теряю. Видите, кафедра гистологии прислала мне по Интернету весь учебный материал, приглашает на работу. Ностальгия, конечно, иногда терзает. Два сына в Москве. Старший поступил на медфакультет в Патриса Лумумбы. Пишет мне по Интернету: «Папа, на какую кафедру не приду, все спрашивают: ты сын Николая Зуманиги? Твой портрет висит среди лучших студентов университета. Ты знаменитый. Почему не приезжаешь в Москву?» Я ему отвечаю: «Сынок, моей славой долго не проживешь. Учись, как я, и ты будешь знаменит».

Вечер выдался светлым. Небо чистое, яркий свет луны позволял с комфортом сидеть на веранде без искусственного освещения. Пиво закончилось, орешки к нему тоже. Пришлось идти спать.

Через два дня Николая закончил свою миссию.

После Зерекоре мы продолжали общаться по профессиональным вопросам. Его гвинейской жене Марии я по ее просьбе, возвращаясь из отпуска, традиционно привозил воблу. Красивая, высокая женщина с правильными чертами лица. Несмотря на то что родила троих детей, сохранила фигуру топ-модели. Все-таки во вкусе Николая не откажешь.

Настала пора Эболы. Все ринулись изучать и помогать бедной Гвинее и Либерии, откуда началась эпидемия. Американцы, немцы, французы, бельгийцы. Россия тоже решила круто помочь. Сначала послала в разведку своих эмиссаров. Приехал знаменитый «африканец» – академик Малеев со товарищи. От Минздрава России. А добраться до гвинейского министра здравоохранения, чтобы предложить свою бесплатную помощь, не получается. И посольство почему-то не может в этом помочь.

При визите в посольство мы с Малеевым случайно встретились, и он попросил поискать каналы для ускорения дела – командировка подходила к концу. Я представил делегацию Николая. После теплой беседы и воспоминаний об общих знакомых в Москве на следующий день Николая без проволочек организовал встречу российской делегации с министром. Был разработан и подписан меморандум между министерствами здравоохранения России и Гвинее о сотрудничестве с августа 2014 года. Дальнейшие связи, переговоры, общение с прессой в Москве шли уже через Зуманиги.

Гуманитарный армейский госпиталь из России, предназначенный для лечения больных лихорадкой Эбола, тоже встречал Николая. Российский посол, присутствовавший при приемке госпиталя в аэропорту, после завершения официальной части пригласил Николая в посольство на рюмку коньяка и приватную беседу. После коньяка посол заметил: «Коля, похоже, сегодня посол России в Гвинее ты, а я у тебя вроде как в помощниках». На что Николая с улыбкой ответил: «Так давайте будем хорошо работать».

А совсем недавно генерал-майор из России, видимо, инспектировавший в Гвинее подведомственную ему службу, попросил Николая прислать свою биографию и три фотокарточки. Похоже, в скором времени ему придется сверлить дырку в пиджаке для ордена за заслуги перед Россией.

Николя Зуманиги в центре. Дамы-французенки из корпуса «Гомеопатия без границ».

Его служба координатора между российским и гвинейским здравоохранением и сегодня успешно продолжается. Россия после многих лет забвения вновь повернулась лицом к Гвинее. Николя как истинный патриот своего отечества не замедлил этим воспользоваться: его стараниями в России готовятся кадры для будущего института усовершенствования врачей и кардиологической службы.

Сия

Считается, что Новый год – это семейный праздник. Ну а если ты вне семьи? Я отношусь к категории индивидов, которых так и тянет встретить его в необычных и даже экстремальных условиях и, конечно, в теплой компании. Это только добавляет эмоций к праздничному настроению, а заодно и избавляет от накопившегося за год негатива. Да мало ли что еще может произойти в экстремальных условиях! Бывает, что в один день к тебе приходит решение давно зависших нерешенных проблем.

Высокогорное плато Гвинеи Фута-Джаллон, это район города Далаба, еще в далекие колониальные времена не случайно было выбрано местом реабилитации раненых французских солдат. Лучшего уголка природы для курорта не найти. Температура зимой здесь может опуститься ночью до восьми – холодрыга! Зато днем благодать – комфортные 24–25 заставляют вас начисто забыть о ночной прохладе.

Чистейший воздух, уникальные по красоте водопады! Еще в начале прошлого века проклятые колонизаторы посадили здесь около 30 гектаров соснового леса – инициатором был некто Шевалье, а также построили бассейны для разведения рыбы. И сегодня это вековые сосны, а лесной фитонцидный воздух обладает невероятно целебными свойствами – хоть бери и открывай противотуберкулезный госпиталь. В сезон дождей в лесу невероятное обилие крепких маслят и шампиньонов, не хуже российских. А из семян могучих сосен народ посадил еще несколько десятков сосновых рощ, правда, не столь грандиозных, как лес Шевалье, но очень напоминающих русский пейзаж. Местные жители и сегодня продолжают выращивать саженцы этого благородного дерева, украшая ими покатые горные склоны.

Так вот, под Новый, 2012 год я с коллегой-биологом оказался на Фута-Джаллоне. Он прекрасно знал все дороги, ведущие к водопадам, которых на относительно небольшой территории оказалось сразу пять. Мы сочли своим долгом поочередно искупаться в каждом, потому что все источники были по-своему уникальны. Температура воды в них доходила градусов до 16, не выше, в общем, бодрила.

Зарядившись энергией водопадов, 31 декабря мы вернулись в гостиницу, которая располагалась на краю глубокого каньона. Построил ее в свое время тоже француз-колонизатор. Особой достопримечательностью гостиницы была нависавшая над каньоном ротонда, прямо посередине которой росло высокое манговое дерево. Каньон с ротонды, как с ладони великана, просматривался во все стороны. Это уникальное место охотно посещается всеми туристами.

Вечером, перед заходом солнца, я специально выходил сюда полюбоваться закатом. Солнце медленно уходило за противоположную гору. Легкие тучки и россыпь облаков над вершиной окрашивались причудливой гаммой цветов, в течение нескольких минут меняющихся от розовых и багряных до желтых, сиреневых и фиолетовых, если тучи были темными. В такие минуты я жалел только о двух вещах: что я не художник, потому что палитра завораживающих красок, рожденная лучами нашего светила, достойна кисти самых известных мастеров живописи. И в не меньшей степени о том, что около меня нет родной женской души, с которой можно было бы разделить обуревавший меня восторг.

Вечером в банкетном зале мы обнаружили интернациональную компанию близких нам по духу искателей приключений. Оказалось, что не мы одни такие отчаянные. В этот дальний уголок Гвинеи за впечатлениями прибыла семья из Нидерландов, группа английских студентов, а также несколько гвинейских семей.

За одним столом с нами оказались американка китайского производства, видимо, из корпуса мира (ее-то что сюда занесло?), а также Джузеппе и Лора – чета итальянских фельдшеров, путешествующих по Африке на собственном джипе. В зале было шумно и весело. На отдельном постаменте за дополнительную плату возвышалась туша зажаренного до румяной корочки

копченого козла (впрочем, вполне возможно, что это был не сам козел, а его подруга). Подходи, отрезай, жуй.

За первым салатом в течение получаса мы смогли узнать, что Джузеппе и Лора работают в крупном госпитале в Швейцарии, который находится в ста километрах от границы с Италией. А также обсудили несколько самых главных мировых проблем – от ядерной бомбы до качества европейских пищевых продуктов. Нас удивило, что найти натуральный продукт сегодня в Европе практически невозможно. Все накачено гормонами и химикатами. И что они с Лорой, например, могут себе позволить полгода работать, а затем полгода путешествовать на собственном джипе (два фельдшера!). А наши?

Лора оказалась на редкость молчаливой женщиной. Что, впрочем, с лихвой компенсировалось словоохотливостью Джузеппе, который одинаково хорошо говорил на французском и на английском. Разговорили и американку-китайку. Та рассказала, что работает в другом конце Гвинеи, на границе с Либерией. Преподает в школе вместе с мужем английский. Французский знает плохо, но старается говорить. По стечению обстоятельств они с мужем довольно много общаются с русскими геологами – часто играют вместе в покер. Поэтому несколько раз она даже попыталась продемонстрировать свое знание русского, то и дело вставляя в разговор фразу «та хуня». Поначалу мы приняли это за что-то китайское. По простоте душевной попросили перевести. Она совершенно невинно объяснила на английском, что так всегда говорили русские, когда проигрывали в покер. Какое-то время мы мучились в поисках более-менее приличного перевода и объяснения этой крылатой фразы. Но ни во французском, ни в английском аналога отечественному филологическому перлу не нашлось, и мы решили оставить беднягу в счастливом неведении.

В 12 часов разлили, как положено, шампанское. Мы с коллегой стоя спели «Широка страна моя родная» (знай наших!) и сорвали аплодисменты всей аудитории. В горячительных напитках недостатка не было. Интернационально потанцевали. Козел жареный, конечно, был обглодан.

Утром первого января, обменявшись адресами и имейлами, разъехались каждый в своем направлении. Лора и Джузеппе решили посмотреть Либерию. На прощание мы учтиво пригласили их в гости. В городе Киндия, что в 140 километрах от столицы Конакри, есть бывший советско-гвинейский НИИ, где мы с коллегой работаем.

Но уже четвертого января Лора и Джузеппе прикатили ко мне в Киндию. Дорога до Либерии оказалась слишком тяжелой из-за совершенно разбитого покрытия, и они решили вернуться. В это же время меня навестила моя знакомая – фельдшер Сия из Конакри. Аккуратная девушка со смуглой, темнее, чем шоколад, кожей и слегка раскосыми глазами, располагавшая к себе своей непосредственностью и природным обаянием.

Родом она из Лесной Гвинеи, где живет работающий народ. Окончила фельдшерскую школу, где я одно время преподавал. Там и познакомились. Судьба у нее непростая. Хорошо обеспеченная дочь преуспевающего коммерсанта, который был вдовцом, Сия жила весьма неплохо. Просилась к отцу в коммерцию (он выращивал на плантациях приправы и торговал ими в Европе – в Германии, Бельгии, Англии), но отец отказывал – не женское это дело. Будучи в Гане по торговым делам, он надолго задержался там. Как она подозревала, причиной тому стала любовная связь – заарканила его прелестная ганийка. То ли от любви, то ли еще от чего, но внезапно отец умер. Компаньоны по бизнесу быстро продали все имущество, две машины, дом – якобы на оплату кредитов и похорон, и смотались. Сия осталась вместе с младшей сестрой и братом на улице. Родственники не заступились, помогать тоже отказались – своих проблем много. Такова здесь практика. Сие пришлось искать поденную работу и пристанище для себя и брата с сестрой. Стирала, готовила, нянчилась с чужими детьми. Устроиться медиком в Конакри сложно. Вот и решила приехать в Киндию в поисках работы в нашем институте –

здесь имела клиника по лечению от укусов змей. Единственная в Гвинее. Я помогал чем мог этой девушке, удивляясь ее мужеству, и собирался представить ее высокому начальству.

По случаю приезда гостей я испек свои фирменные оладьи. Лора и Джузеппе почистили перышки после утомительной поездки, постирались. А вечером мы организовали небольшой банкет на веранде моей казенной виллы, благо товарищ мой был в отлучке. Расставили всюду фонарики – город света не дал.

В разгар застолья за мной пришел санитар из клиники. Привезли тяжелого пациента с укусом кобры. Яд у кобры нейротоксический, наподобие яда кураре. Действует быстро, блокируя передачу нервных сигналов из центров к скелетным мышцам жертвы. Последний блок развивается на уровне диафрагмы. Результат – полная остановка дыхания.

Возвратившись к гостям, я объяснил ситуацию, извинился, что вынужден их покинуть. Все трое молча поднялись и пошли вместе со мной. В клинике света тоже не было. Работали, подсвечивая себе фонариками.

Пострадавшим оказался мужчина лет тридцати, крепкий крестьянин из дальней деревни. Сопровождали его отец и жена с маленьким ребенком. С момента укуса прошло более четырех часов. Мужчина чувствовал себя плохо и постоянно просил ему помочь. Обычное дыхание уже чередовалось с судорожным. Веки были практически закрыты – первый симптом кобраического синдрома.

Внутривенно ввели ему двойную дозу противозмеиной сыворотки. Сия тут же поставила перфузионную систему с раствором Рингера. Добавили кардиотоник. Помогло ненадолго. У пациента падало давление. Вены начали спадаться. Посоветовались, и Джузеппе начал вводить раствор шприцами через систему. Оказалось, он работает в реанимационном отделении госпиталя, где требуется высокая квалификация. Наши манипуляции дали лишь кратковременное улучшение – дыхание остановилось.

Ни службы реанимации, ни аппарата искусственного дыхания, что могло бы спасти пациента, в клинике не было. Мы по очереди попытались делать искусственное дыхание «рот в рот». Сумели поддержать его несколько минут. Он даже открыл глаза. Но, увы, все наши усилия оказались тщетными.

Несколько судорожных движений – и дыхание исчезло.

Это была не первая смерть, которую мне как врачу приходилось видеть, и не только видеть. Даже здесь, после укусов змей. Такие случаи никогда не забываются. И время от времени беспокоят память. Недаром говорят, что у каждого врача есть свое кладбище.

Оставив жертву смертельного укуса с родственниками (молодая жена, теперь вдова, стала как-то тихо подвывать), мы вернулись к столу. Естественно, кусок в горло не шел. Выпили по пиву. Похоже, больше всех переживала Сия. Молчала. Потом вдруг не выдержала:

– Знаете, я и раньше сталкивалась со смертью. На моих глазах умирали старики. Молча. Во время практики видела, как умирали больные в госпитале. Уходили спокойно. Но сегодня... он не хотел умирать. Мне так хотелось ему помочь, он просил, а я не смогла...

Мы с Джузеппе и Лорой переглянулись. Это неожиданное высказывание удивило и меня, и их. Сия – католичка. Воспитывалась в семье коммерсанта. Вероятно, эти чувства происходили из христианской морали. Но, похоже, эта девушка из Лесной Гвинеи, обладавшая доброй и чистой душой, умела глубоко чувствовать и сострадать.

Однажды она рассказала мне такую историю. А следует сказать, что в Гвинее, да и не только в ней, – во всей Африке, на дорогах масса мотоциклов индийского или китайского производства. У мотоциклистов прав нет. Не принято. Достаточно справки, что ты собственник этого средства передвижения. Конечно, основная масса мотоциклистов – молодежь. Вождению их никто не обучает. И гоняют они по городу совершенно безбашенно, провоцируя основную массу транспортных происшествий.

Так вот, пару лет назад Сию на дороге сбил мотоциклист. При падении она ударилась головой об асфальт и даже потеряла сознание. Испуганный водитель нанял такси, и ее повезли в госпиталь. Надо было сделать снимок, чтобы исключить возможные повреждения черепа. Сия помнила, что в кармане у нее ни шиша, и всю дорогу просила бога, чтобы ей провели исследование бесплатно.

Первое, что она сделала, оказавшись в госпитале, – показала рентгенологу пустой кошелек. Тот молча сделал рентгеновский снимок и сказал: потом заплатишь. Переломов не оказалось. Несколько дней она отлеживалась дома (было сотрясение мозга, но не тяжелое). Как только появились деньги и, Сия приехала в госпиталь, нашла рентгенолога и отдала ему деньги за снимок. Тот, ошарашенный такой честностью, даже засмеялся – редкий случай.

И это с ней не в первый раз. В трудную минуту, оказавшись в отчаянном положении, она всегда молится и просит бога помочь. И тот помогает.

На следующий день Джузеппе и Лора уехали – решили вернуться домой. Утром вместе с коллегой, который присутствовал ночью при всех процедурах с пациентом и видел Сию в работе, представили ее директору с хорошими рекомендациями. К сожалению, тот смог предложить ей только половину минимальной зарплаты из своего фонда. Сию это не устраивало.

Слева направо: Лора, Сия и Джузеппе перед отъездом.

Однако через пару месяцев ей все-таки повезло. Новый министр здравоохранения начал кампанию по обеспечению кадрами периферийных медпунктов. Сия числилась в министерском списке, и ей достался неплохой медпункт рядом с крупным городом Лабе.

Но после того случая мой гвинейский коллега-биолог, кстати, тоже Милимоно, который много лет работает в клинике и выполняет врачебные обязанности не хуже любого медика, постоянно вспоминает ее и спрашивает меня: «Ну когда же у нас будет работать Сия Милимоно?»

И я тоже скучаю по ней.

Храмы Зерекоре

После горячего приглашения молодой пациентки, ученицы 12-го класса, в воскресенье под легким тропическим дождиком я приехал на мототакси на утреннюю службу в католический собор Зерекоре. Гвинейский город, расположенный в 40 километрах от границы с Либерией. Занесла меня нелегкая в Зерекоре преподавать на медицинском факультете местного университета. Городок небольшой, а храм, надо сказать, по меркам Зерекоре шикарный.

Высокая колокольня с бронзовым колоколом. Веревка от языка колокола была на земле, и служка с огромным удовольствием и достоинством дергал за нее, призывая паству на молитву. Два зала вместимостью не менее тысячи человек. В зале каменные скамейки, построенные амфитеатром. Оптимальный климат. На сцене все скромно. Служки в белых балахонах с красными воротничками. Двор чистый, аккуратный. В одном из углов двора расположен грот Святой Марии с ее скульптурой и фонтаном. У грота женщины, просящие у Марии защиты, помощи. У каждой свое: кому – детей, кому – мужа, кому – спастись от бедности. Мало ли что можно попросить у Марии. Она не откажет. Зал был полный. И что меня поразило: я не видел ни одной пары женщин в одинаковых нарядах! По бокам сцены два хора: классический кафедральный, хорошо подготовленный, и национальный.

Служба началась со входа прета – настоятеля храма. Красивый, дородный негр, одинаково хорошо говорящий на французском и на местных диалектах, подошел к трибуне. После короткого вступления началось внесение креста. Оно сопровождалось высоким эмоциональным гимном. Гимны исполнялись на три голоса. Два солиста и столько же солисток вступали в свои партии удивительно гармонично. В хоре была и моя пациентка.

Удивила акустика зала. Даже в последних рядах все было слышно. Грамотный архитектор строил храм. Многие прихожане подпевали. Крест, сделанный из великолепного по текстуре дерева, был поставлен на постамент. Началась проповедь. Это были страницы из библии, посвященные призывам Христа рыбачить, любить друг друга, делиться с ближним. Речь шла о хлебе насущном. Проповедь прерывалась гимнами, отнюдь не грустными, а пожалуй, оптимистично-бодрыми. Вторая часть проповеди была посвящена объединению католиков всего мира: китайцев, малайцев, африканцев, европейцев, американцев, которые должны любить друг друга и совместно решать общечеловеческие проблемы. Во время проповеди стояла удивительная тишина.

В середине службы прошла обычная процедура сбора денег с прихожан. Кто сколько может. Положил, естественно, и я. Похоже, бенефис от этого представления был. Чем не могут похвастаться другие католические храмы, так это наличием на службе второго, национального хора со своими солистами и инструментальным сопровождением: оригинальными погремушками типа маракасов, трубками из бамбука, ксилофонами и даже рогами. Хор в сопровождении этого оригинального оркестра вступал в процедуру дважды: в начале проповеди и сопровождал вторую процессию, которой я был несколько озадачен и к которой не был готов. Оказывается, я попал на праздник святого Винсента. Служки вносят портрет святого Винсента, скорее всего, копия оригинала в исполнении, видимо, местного художника. Тяжелая челюсть, черная бородка и строго выпученные глаза. Похоже, он был гвинейцем или африканцем (мы все вышли из Африки). За портретом шла процессия с подношениями храму. Кто-то нес на подносе рис, кто-то бананы, мыло, свечи, другие продукты (чем богаты!). Все аккуратно складывалось на сцене. Подношения были предназначены для раздачи нуждающимся. Когда прет говорил о любви к ближнему, все, кто был рядом по соседству, горячо пожали друг другу руки. Кстати, таких богатых алтарей, как в православных церквях, у католиков нет, все скромнее. Могут быть орган либо клавесин и хор. Наверное, обращение к духу человеческому через

музыку вызывает большой подъем эмоций, и люди после службы в храме выходят просветленными, эмоционально и энергетически заряженными позитивно.

После второго денежного захода за подношениями эвек – служба – стал раздавать прихожанам освященные облатки. Досталось и мне. Служба закончилась гимном в совместном исполнении двух хоров. Народ даже приплясывал.

В благодарность за приглашение в церковной сувенирной лавке, где продавали распятого штампованного китайского Христа, я купил девочке красивые бусы, которые она тотчас освятила у прета. Он прочитал над ними краткую молитву.

Просветленный, под уже приличную дождевую теплую капель, я вернулся на преподавательскую виллу, которая находилась рядом с неопостолической церковью. Но о ней чуть позже.

И все-таки, не вступая в глубокие теологические дискуссии, можно сказать, что служба в мечетях намного беднее, чем в католической и православной церквях. Но я еще не был в буддийских храмах.

Риторический вопрос: нужна ли нам религия? Вопрос далеко не праздный. Наверное, пока нужна. Человек слаб, ему порой необходима защита, хотя бы от самого себя. Религия – это еще и одна из форм психотерапии, воспитания, если она не извращается в корыстных целях и не попадает в примитивные руки. Со временем появится другая религия, где бог будет заменен другим фетишем, который объединит человечество духовно. К сожалению, у человечества сегодня основной фетиш – монета. Если где и сохранилась религия в относительно чистом виде, так это в монастырях. И то им приходится заниматься коммерцией, чтобы выжить.

Кстати, о маме девочки. Красивая, стройная женщина за сорок со светло-шоколадной кожей. В одном из кварталов города у нее свой дом с садом и огородом. Две дочери. Моя пациентка рассказывала: когда ей было два года, отец ушел к другой женщине. Уехал в Конакри. Она оказалась достойным примером эмансипированной африканской женщины. Не запила, как часто делают русские женщины в подобных ситуациях. Нашла работу (грамотная), сумела сама построить дом, поднять детей. Старшая дочь окончила университет, успешно вышла замуж, живет во Франции. Есть внуки. Младшая готовится поступить в университет. Имеет свой мотоцикл. В Зерекоре это признак респектабельности и необходимость. Фрукты из ее сада были редкими и вкусными.

Еще одну женщину с подобной судьбой встретил в Зерекоре. У нее два пацана, уже взрослых. Работает в инвестиционной компании.

Обе эти женщины католички. Среди мусульманок подобного пока не встречал.

Утром в понедельник мы с коллегой – анатомом Славой Батухтиным проснулись от звуков автоматных очередей, раздававшихся недалеко от виллы. Слегка припухли. Соседи предупредили, что в город выходить нельзя. Приемник у нас был, и по местному радио мы выяснили, что накануне в городе произошел межконфессиональный конфликт между католиками и мусульманами. Все лавки, базар, к нашему сожалению, были закрыты. По городу разъезжали солдаты и полицейские. Загоняли народ по домам, постреливая из автоматов. Прилетел какой-то министр из столицы. Радио беспрерывно вещало, успокаивало: «Ребята, давайте жить дружно».

На следующий день животы у нас подвело. Питались мы «с колес», то есть с базара. Наша бонна, аппетитная женщина, ежедневно покупала на базаре все свежее, готовила на древесном угле первое, второе. После застольной молитвы (бонна католичка) мы дружно все поедали. А тут ни бонны, ни базара. Рискнули выйти на улицу. И тотчас на нас наехал патруль. Мотоциклист, сзади которого сидел солдат с автоматом наизготовку. Погрозив нам, патруль умчался. А мы нашли лавчонку, купили втроедорога алжирских сардин, тем и спаслись от истощения.

Спустя несколько дней история прояснилась из рассказов студентов. Около католического храма оказалась молодая мусульманка. Что-то ее туда занесло. У нее был кошелек с день-

гами, и вдруг он исчез. То ли потеряла, то ли украли. Она подняла шум и обвинила католиков в краже. Молодые мусульмане накатили на молодых католиков. Католики дали отпор. Завязалась потасовка, которая разрослась. Драка продолжалась, а девка исчезла. Для полиции и солдат гарнизона появился прецедент поработать, себя показать, хоть пострелять. А то скукота была. Так что во всех скандалах и войнах *cherchez la femme!*

Кристофер

Воскресное солнечное утро. Недалеко от миссионерской преподавательской виллы в Зерекоре расположены две церкви. В девять часов послышалась мелодичная серенада, исполняемая на два женских голоса. Воздух был чист, неподвижен. Звук лился свободно и действительно пробуждал возвышенные чувства и желание прийти на этот голос, как на голос завораживающей сирены. Начиналась воскресная служба в недостроенной протестантской церкви. Зашел. После вступительного песнопения молодой и энергичный проповедник что-то темпераментно опротестовывал. Но, похоже, критиковал он не Библию.

В недостроенном зале народ был молодой, осторожно поддакивал ведущему. В основном студенты и старшие школьники. Наверное, этому народу больше присуще желание попротестовать. Но меня заинтриговала служба в неоапостолической церкви, которая также была рядом с нашей виллой.

Небольшой ухоженный двор с клумбами ярких цветов. В зале красивая лепнина: символ церкви – крест с восходящим солнцем и широко расходящимися лучами. Видимо, символ возрождения и обновления. В зале деревянные скамейки на сто пятьдесят-двести мест. Над сценой – небольшой цветной витраж с символикой церкви.

Служба началась с представления новеньких, присутствующих в зале. Это были жители не только Зерекоре, но и ближайших деревень, дети. Девочки, нарядно одетые, свободно перемещались по залу. И что удивительно, вели себя спокойно. Пришлось представиться и мне. Затем прет, настоятель церкви, в цивильной одежде – черные брюки и белая сорочка – дал сигнал небольшому хору студентов, которому аккомпанировали девчушки лет по тринадцати-четырнадцати на маракасах и ксилофоне из бамбука.

Служба была посвящена какой-то главе Библии и затягивалась, потому что велась на трех языках: французском и двух местных. Толкование на местных языках вела молодая женщина. Все было при ней: фигура, бюст, со вкусом, насколько позволял бюджет, одета. Европейское личико, похоже, был и интеллект.

Во время основной процедуры сбора денег мимо меня прошел курчавый крепыш и на чистом русском языке сказал: «Здравствуйте, как дела? Поговорим после службы». Я не очень удивился. Почти вся дирекция университета, где мы вели занятия, были «советики». Окончили университеты в Харькове, Ростове, Кишиневе, Москве и с удовольствием говорили со мной на русском.

После службы раздавали кое-какую литературу, из которой я с удивлением узнал, что один из последних всемирных ежегодных съездов руководства неоапостолической церкви состоялся в Новосибирске.

Когда толпа прихожан рассосалась, мой «земляк» представился – Кристофер, инженер по сельхозмашинам. Кристофер оказался разговорчивым, на русском говорил прекрасно. Ему хотелось пообщаться, и я пригласил его на ужин. Не упустил шанса познакомиться и взять телефон у переводчицы проповеди с французского на два местных языка – пель и тома, которую звали Марией. Отнеслась она к этому довольно благосклонно. Вечером бонна приготовила угрей с великолепным острым соусом. Кристофер не опоздал, и за приятным ужином он поведал мне свою историю.

Еще в эпоху Секу Туре, большого друга Леонида Ильича, его как одного из лучших учеников послали в Москву, в сельхозакадемию, на факультет механизации. Окончил он ее блестяще. Вернулся уже после смерти Секу Туре. Как большого специалиста по сельхозмашинам его направили в основной агрорайон Гвинеи – Зерекоре. Здесь действительно много было и есть плантаций риса, кукурузы, какао, кофе. Основной сельскохозяйственный инструмент – мотыга, другой техники не было. Дали ему в мэрии какую-то должность. Уже были жена и

ребенок. Выплаты зарплаты вскоре прекратились. Надо было выживать. И однажды дошел «до ручки». В доме не осталось ни риса, ни денег. Завтра нечем накормить ни ребенка, ни жену. В отчаянье вечером он стал горячо молиться, прося Господа выручить его.

Грозы в Зерекоре бывают часто. Рядом расположены горы Нимба – кряж более сорока километров длиной, в котором с десятков Магниток чистого железа имеется. У этих гор и формируются тучи. Уже в середине января часов в пять вечера над горами неспешно появляется черная полоса туч. Медленно, нехотя увеличивается и сползает в сторону города. Видимо, и по всей длине этой гряды. Ну и часам к восьми, когда темно уже, ветер поднимает с земли все, что может лететь: пыль, мусор. А через три минуты тучи выливают на город потоки воды, как из перевернутой бочки. Недолго, но бурно. Нередко с градом. Конечно, Монт Нимба не Гималаи и не Альпы, но в этом регионе они формируют погоду. Грозы бывают уже в январе, феврале. Сезон дождей начинается отсюда. А днем – солнце, жара, духота. К вечеру все, что не успело утечь в местную речку, испаряется и снова начинают формироваться новые тучи.

Так вот в эту ночь разразилась гроза с бурей. Утром – тишина и солнце. Кристофер первым вышел из дома и... О, счастье! Под окном лежала купюра в две тысячи франков, принесенная ветром. Тогда это были большие деньги, и он сумел накормить семью.

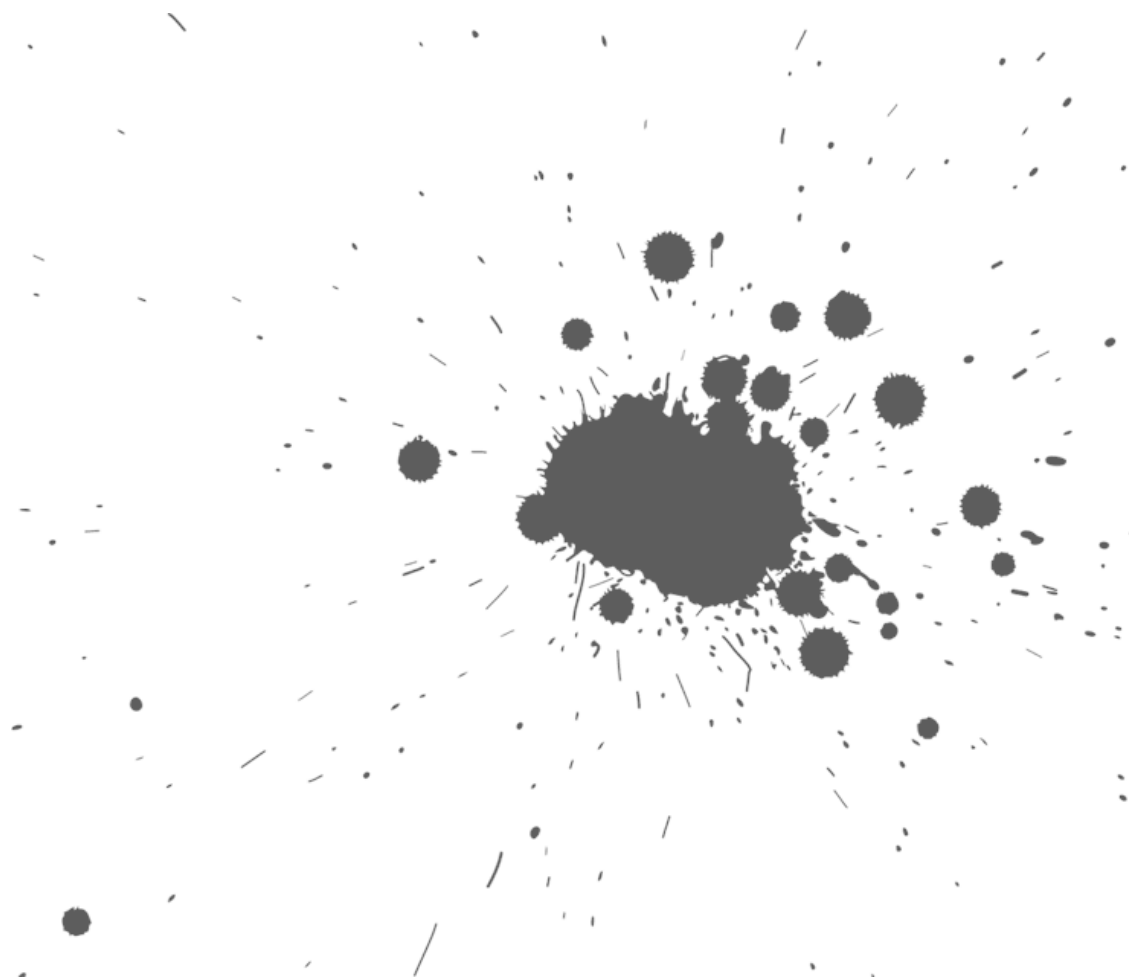
Вечером он сотворил молитву богу в благодаренье за это чудо, и поверил он в бога и дал обет служить ему. С этого дня удача стала улыбаться ему чаще. Услышав в этом зов провидения, он решил податься на службу в католический собор. Его охотно приняли на должность дьяка. Грамотный, даже философию учил с атеизмом. Библию освоил быстро. Но продвижение по служебной лестнице было затяжным. А тут открылась неоапостолическая церковь в Зерекоре. Грамотные и здесь были нужны. Забыл он о тракторных колесах, предложил свои услуги настоятелю, и сегодня он уже второй человек в церкви после настоятеля. Да и материально стало легче.

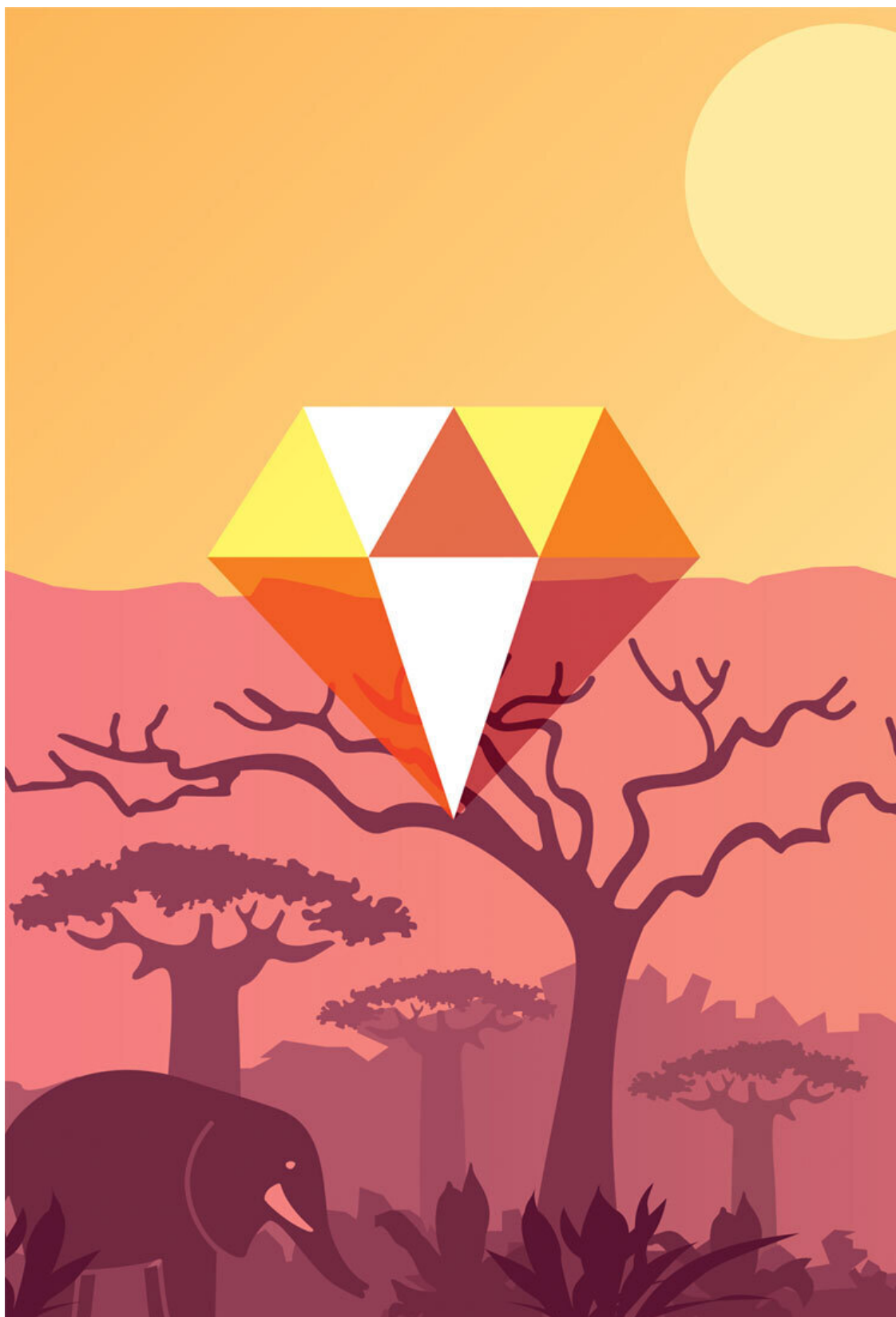
После ужина договорились встречаться чаще, поговорить о философии и теологии. Оказалось, что у него и у меня философия была одним из любимых предметов во время учебы.

Но чаще я встречался с Марией, не совсем святой. Она оказалась женщиной темпераментной, со здоровым чувством юмора. Встречались за душевными беседами и не только. Ей было интересно общаться с новым человеком. Иногда она приходила ко мне со своей младшей сестрой лет четырех-пяти. Несмотря на конфеты, которые благосклонно принимала без заискивания, та смотрела на меня букой. Не потому, что я белый. Ревновала сестру. Дети – народ чувствительный. И не давала даже прикасаться к сестре.

Но все кончается. Моя преподавательская миссия закончилась. Уезжал в Конакри с автовокзала. Мария меня провожала. На память сфотографировались в привокзальном фотоателье. Когда я сел в такси, Мария заплакала. Пришлось выйти, успокоить, обнять, поцеловать. Пообещал приехать в следующем учебном году.

По соседству со мной в такси оказался майор. Дорога до Конакри длинная и тяжелая. Можно рекомендовать ее в наказание. Полдороги майор молчал. Потом разговорились. Оказалось, что он не женат, развелся. Нашлись общие знакомые – русские преподаватели, у которых он учился в университете. В конце признался, что позавидовал мне, когда увидел слезы провожавшей меня Марии. Это дорогого стоит, не забывается.

Алмазные копии

Часть первая

Пациент, которому помогли мои альтернативные методы лечения, узнав, что я был в Гвинее и собираюсь туда снова, воскликнул: «Мой деловой партнер из Москвы недавно вернулся из Гвинеи. Говорит, алмазы там добывал. Михаил. Могу дать координаты». Эта информация задела за живое. Бес авантюризма тут же поднял во мне голову. Мои документы на контракт по работе в качестве преподавателя были уже в Гвинее. А тут еще затрава – алмазы.

Желание опять побывать в этой стране получило новый стимул. Михаил согласился встретиться, и я махнул к нему в Нижний Новгород. У него были там какие-то дела. И вот мы сидим в кафе за приличным пивом, и он с удовольствием вспоминает о Гвинее.

– О, это была авантюра! Ну ты представляешь обстановку в стране в девяностые и в начале двухтысячных. На фоне обвалов весь бандитский бомонд вылез наружу. Авантюристы, рэкетеры, челноки. Сам помнишь, наверное. Ну а я со своим бизнесом слегка прогорел. Влез в долги. Рэкет наехал. Нужны были дополнительные вливания. А где их взять?

Пожаловался как-то своему старому другу Григорию. Он работал в российской геологической партии в Гвинее. А в этой жемчужине Африки есть все. Мировые запасы бокситов, железа минимум пять Магниток, золото, алмазы, титан. Нет только нефти. И море авантюристов со всех концов света. Золотокопателей, алмазкопателей. Подавляющее число их, конечно, пролетали. Гвинейцы не такой простой народ. Раскручивали приезжих искателей и накалывали, как объяснил мне потом Григорий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.